

им
1-93

П. И. ЛЮБЛИНСКИЙ

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

БРЮССЕЛЬСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕССЪ СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВЪ.

(2—7 АВГУСТА 1910 Г. НОВ. СТ.).

d.19818 Крым.

Изъ Журнала Министерства Юстиціи
(Ноябрь 1910 г.).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1910.

БРЮССЕЛЬСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕССЪ СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВЪ.

(2—7 августа 1910 г. нов. ст.).

П. И. Люблинскаго.

Одиннадцатый съездъ Союза Уголовнаго Права въ Брюсселѣ заканчивалъ собою какъ бы 20-лѣтній круговоротъ въ жизни Союза. Въ томъ же Брюсселѣ, и даже въ той же залѣ, гдѣ происходили засѣданія конгресса 1910 г., онъ получилъ свое зарожденіе въ 1889 г. Съ той поры союзъ скитался почти по всеѣмъ столицамъ Европы, пока, наконецъ, не вернулся на мѣсто своей родины. За это время, однако, въ составѣ и настроеніи членовъ союза успѣла свершиться большая трансформация. Изъ небольшой группы ученыхъ, объединенныхъ однородными убѣжденіями относительно необходимости обновленія уголовного права на почвѣ социологическихъ идей, союзъ сталъ мощной организаціей, насчитывающей тысячи членовъ и образовавшей десятки національныхъ группъ, въ составъ которыхъ вошли люди самыхъ разнообразныхъ научныхъ убѣжденій. Теперь насчитываются: Германская, Австрійская, Венгерская, Русская, Французская, Нидерландская, Датская, Кроатская и Румынская группы. На създѣ было оглашено письмо Энрико Ферри, въ которомъ онъ сообщалъ о твердомъ рѣшеніи организовать итальянскую группу. Въ Сѣверо-Американскѣхъ Соединенныхъ Штатахъ, уже послѣ кон-

Жур. Мин. Юст. Ноябрь 1910.

гресса, удалось организовать американскую группу, избравшую своимъ председателемъ проф. Гендерсона, президента Международной Пенитенціарной Коммисіи. Въ связи съ этимъ и центръ тяжести дѣятельности Союза перемѣстился въ мѣстные группы. Въ то время какъ послѣднія собираются ежегодно и даже нѣсколько разъ въ годъ, какъ показываютъ примѣры германской и австрійской группъ, международные конгрессы приходятъ въ упадокъ. Въ началѣ они происходили каждый годъ, затѣмъ каждые 2—3 года, а съ Гамбургскаго конгресса 1905 г.—каждая 5 лѣтъ. Состоявшійся въ этомъ году XI съѣздъ въ Брюсселѣ не много способствовалъ поднятію дѣятельности международной организациі въ цѣломъ. Къ тому привели, кромѣ общихъ причинъ, и спеціальныя препятствія, которыя нужно отнести на счетъ устроителей его. Начать съ того, что съѣздъ былъ созванъ чрезъ недѣлю послѣ начала въ Бельгіи судебныхъ вакацій, когда всѣ мѣстные юристы разъѣзжаются. Благодаря тому, за самими немногими исключеніями, членамъ-иностранцамъ не удалось повидать и послушать мѣстныхъ юристовъ, участіе которыхъ всегда придаетъ извѣстный колоритъ каждому съѣзду. Кромѣ организаторовъ конгресса Prins, Jaspar и Dumont, мы не можемъ назвать ни одного имени бельгійцевъ, принявшихъ участіе въ конгрессѣ. Другой крупной помѣхой успѣху конгресса было то, что конгрессъ какъ бы затерялся въ невѣроятной сутолокѣ и суматохѣ, вызванной всемірной выставкой. Эта несчастная мысль соединить выставку съ конгрессомъ привела къ тому, что каждый чувствовалъ себя въ какомъ-то растерянномъ положеніи, на счетъ котораго острить, кажется, почти всякій ораторъ. Въ городѣ, переполненномъ сотнею тысячъ иностранцевъ, было очень трудно, а порою даже невозможно обезпечить себя элементарными условіями спокойной жизни: помѣщеніемъ, пищей, средствами сообщенія. Все приходилось брать съ бою и терять на все это массу энергіи. Такое состояніе духа едва-ли способствовало плодотворности научныхъ работъ. Было замѣтно стремленіе закончить ихъ во что бы то ни стало скорѣе, и потому пренія подавлялись въ самомъ началѣ, послѣшно, безъ обсуждения,

проводились резолюціи и т. д. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще полное равнодушіе къ конгрессистамъ мѣстнаго населенія. Бельгійское правительство сдѣлало попытку производства международныхъ конгрессовъ оптомъ: за 3 мѣсяца (15 іюля—15 октября) имъ было организовано не менѣе 69 международныхъ конгрессовъ, и нашему конгрессу приходилось засѣдать одновременно съ судебными врачами, желѣзнодорожниками, психіатрами, портными и т. д. Понятно, что такое массовое производство привело къ тому, что каждый конгрессъ пользовался лишь небольшимъ вниманіемъ.

Въ конгрессѣ участвовало 175 человекъ, изъ которыхъ 90%, навѣрно, составляли иностранцы; русскихъ членовъ было 12, въ томъ числѣ нѣсколько профессоровъ. Но изъ всѣхъ участниковъ конгресса, кромѣ докладчиковъ, могли высказаться всего 7—8 человекъ, и то при такихъ условіяхъ, которыя явно не располагали къ дальнѣйшему продолженію преній.

Программа конгресса была составлена блѣдно. Центральнѣйшій вопросъ объ „опасномъ состояніи преступника“ являлся, съ одной стороны, чрезмѣрно обобщеннымъ, соединяя въ понятіе „опасности“ самыя разнообразныя состоянія (преступныя и непроступныя), съ другой стороны—слишкомъ казуистичнымъ, предусматривая въ качествѣ интересовъ, которые должны быть примирены съ этимъ новымъ понятіемъ, только интересъ личной свободы. Онъ уже съ самаго начала не могъ привести къ взаимному пониманію и единогласному рѣшенію, такъ какъ представлялъ собою попытку не детализировать споры и противорѣчія, а, наоборотъ, конденсировать и усложнить ихъ. Все-же вызванные этимъ вопросомъ пренія и доклады не останутся безъ вліянія на его дальнѣйшую разработку и во всякомъ случаѣ будутъ способствовать болѣе осторожному обращенію съ понятіемъ „опасности“ въ уголовномъ правѣ.

Вопросъ о международной регламентаціи выдачи былъ предрѣшенъ заранѣе въ смыслѣ признанія необходимости такой регламентаціи; но большой ошибкой бюро является то, что оно не допустило обсужденія по существу тезисовъ, ко-

торые должны лечь въ основу регламентаціи, и такимъ образомъ какъ бы свело на нѣтъ долгую работу докладчиковъ.

Сообщенія по вопросу о психологіи свидѣтельскихъ показаній, по которымъ не предполагалось преній, явились занимательными лекціями, не давшими, впрочемъ, никакихъ новыхъ данныхъ, но лишь подведшими итоги сдѣланному.

Но, если конгрессъ не можетъ похвалиться своей научной стороной, то во всякомъ случаѣ для многихъ онъ былъ пріятенъ своей общественной стороной. Въ немъ участвовало много обычныхъ членовъ конгрессовъ, кромѣ пяти членовъ Бюро—Листа, Принса, Гамеля, Гарро и Розенфельда,—рядъ замѣтныхъ дѣятелей изъ Германіи—проф. Липманъ, Ашаффенбургъ, Розенфельдъ, вацъ-Калькеръ и др., изъ Франціи—Гарсонъ, Р. Сисхе, председатели различныхъ національныхъ группъ—Thorpe, Schilovic, Ballogh и др. Частыя встрѣчи способствовали взаимному сближенію и знакомству.

Засѣданія съѣзда происходили въ малой залѣ Palais des Academies, съ 2 по 4 августа, два раза въ день. 1 августа члены знакомились на вечернемъ приѣмѣ у организатора конгресса Prins, а со 2-го начались дѣловыя засѣданія.

Конгрессъ открылся рѣчью председателя Бельгійской группы Принса, который въ общихъ чертахъ охарактеризовалъ труды Международнаго союза криминалистовъ, 21 годъ тому назадъ основаннаго въ Брюсселѣ, въ этой же залѣ Palais des Academies. Размѣры Союза за это время расширились, но сердечныя отношенія, связывавшія основателей Союза, остались тѣ же. Онъ съ радостью констатируетъ присутствіе на этомъ съѣздѣ проф. Лежена, бывшаго тогда министромъ юстиціи и много сдѣлавшаго для Союза. Онъ видитъ залогъ дальнѣйшаго развитія Союза въ любви къ правосудію, которая болѣе и болѣе завоевываетъ коллективную душу народовъ и на служеніе которой посвятилъ себя Союзъ.

За проф. Принсомъ выступилъ съ обширною рѣчью министръ юстиціи *De Lantsheere*, бывший профессоръ уголов-

наго права. Онъ намѣтилъ основную разницу въ воззрѣніяхъ двухъ школъ, старо-классической и новой, къ которой онъ себя причисляетъ. Характернымъ отличіемъ послѣдней является установленіе тѣсной связи между уголовнымъ правомъ и соціологіей. Первая ограничивалась только текстомъ закона, вторая изучаетъ и жизнь. Союзъ уголовного права въ теченіе 21 года слѣдовалъ по этому пути и подготовилъ значительный переворотъ въ идеяхъ. Многія старыя понятія, относившіяся скорѣе къ философіи права, разрушены, и мѣсто прежней философіи заняла позитивная психологія и соціологія. Союзъ этихъ наукъ съ уголовнымъ правомъ теперь стоитъ внѣ спора. Мѣсто абсолютныхъ теорій наказанія теперь заняли теории относительныя. Это видно хотя бы изъ постановки на обсужденіе вопроса объ *état dangeux*, соціологическомъ понятіи, которое не укладывается въ рамки старой доктрины. Министръ юстиціи заканчиваетъ свою рѣчь пожеланіемъ дальнѣйшаго развитія соціологической школы и Международнаго союза, какъ представителя ея.

По окончаніи рѣчей собраніе единогласно принимаетъ предложеніе Бюро назначить вице-президентами конгресса предсѣдателей мѣстныхъ группъ: проф. Гарсонъ—изъ Парижа, Набокова—изъ Петербурга, Торпа—изъ Копенгагена, Балло—изъ Будапешта и Шиловича—изъ Аграма.

Предсѣдательское кресло занимаетъ проф. Гарро, который сткрываетъ обсужденіе перваго и важнѣйшаго вопроса конгресса, формулированнаго въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

„Въ какихъ опредѣленныхъ въ законѣ случаяхъ понятіе опаснаго состоянія преступника можетъ быть поставлено взаимно понятія преступнаго дѣянія, и при какихъ условіяхъ вызываемыя имъ мѣры общественной безопасности совмѣстимы съ гарантіями личной свободы?“

Первый докладчикъ по этому вопросу проф. Гарсонъ представилъ докладъ слѣдующаго содержанія. Мы приводимъ полный переводъ его, въ виду интереса вопроса.

Докладъ проф. Гарсона.

Вопросъ, поставленный на обсужденіе конгресса, на-

столько широко, что невозможно думать о томъ, чтобы разсмотрѣть его въ настоящемъ докладѣ въ подробностяхъ. Онъ заключаетъ въ себѣ всѣ принципы, на которыхъ покоятся уголовное право и гражданская свобода. Мы ограничимся указаніемъ нѣкоторыхъ общихъ идей для того, чтобы опредѣлить положеніе этого вопроса.

Въ сущности, въ немъ содержатся двѣ идеи, соединенныя между собою потому, что считали ихъ тѣсно связанными.

Опытъ показалъ недействительность наказаній по отношенію къ нѣкоторымъ индивидамъ. Криминалисты должны были задаться вопросомъ о томъ, не должно ли общество принять по отношенію къ нимъ особыя мѣры безопасности и соціальной защиты. Международный союз уголовного права въ особенности занимался этимъ важнымъ вопросомъ и, можно сказать, сдѣлалъ его главной темой для своего обсуждения. По мѣрѣ развитія вопроса, постановка его становилась все шире и точнѣе. Въ своихъ первыхъ сѣздахъ Союзъ занимался только рецидивистами и неисправимыми привычными преступниками; тогда пытались намѣтить тѣхъ, кого слѣдуетъ помѣстить въ число неисправимыхъ, искали средства обезпечить общество отъ ихъ вредныхъ дѣйствій и разсматривали спеціально цѣльность неопредѣленныхъ приговоровъ. Но изъ этихъ обсужденій родилась новая идея объ „опасномъ состояніи“, которое проявляется не только въ повтореніи тѣхъ же деликтовъ и въ рецидивѣ, но и въ соціальномъ и умственномъ „состояніи“. Отсюда начали задавать вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли разсматривать, какъ опасныхъ людей, и преступниковъ первичныхъ и даже лицъ, которыя еще не учинили никакого преступленія; какія спеціальныя мѣры защиты или оздоровленія должно принять общество по отношенію къ нимъ, и долженъ ли быть уполномоченъ на принятіе ихъ уголовный судья.

Не возражая въ принципѣ противъ этихъ новыхъ идей и признавая, что онѣ содержатъ въ себѣ значительную долю истины, даже одобряя эти тенденціи современнаго уголовного права, я полагаю, что въ своихъ крайнихъ выводахъ опѣ

могутъ представить большую опасность для гражданской свободы. Мнѣ казалось, что такимъ образомъ возвращаются окольными путями къ теоріи и практикѣ, которыя, казалось, были окончательно осуждены и оставлены со времени французской революціи. Здѣсь затрогивается принципъ законности, лежащій въ основѣ всѣхъ конституцій свободныхъ странъ. Поэтому на собраніи Бюро въ Берлинѣ въ 1908 г. я просилъ, чтобы былъ поставленъ на обсужденіе вопросъ о „необходимости сохранить объективную точку зрѣнія въ уголовномъ правѣ, чтобы гарантировать личную свободу“. На расширенномъ засѣданіи Бюро въ Амстердамѣ въ 1909 г. я въ своемъ докладѣ и въ преніяхъ поддерживалъ свое предложеніе. Но Бюро рѣшило соединить предложенный мною вопросъ съ вопросомъ, формулированнымъ проф. Листомъ, объ „*état dangereux*“, и такимъ образомъ они предстали вмѣстѣ предъ Брюссельскимъ конгрессомъ.

Я долженъ добавить, что собраніе Французской группы Союза, предсѣдателемъ которой я имѣю честь состоять, въ Реннѣ въ маѣ текущаго года обсуждало этотъ вопросъ. Послѣ замѣчательнаго доклада М. Guillot, товарища прокурора въ Нантѣ, собраніе единогласно признало, что существуютъ индивиды, находящіеся въ опасномъ состояніи, но что только законъ долженъ опредѣлить условія этого состоянія, принимая во вниманіе объективную тяжесть или повтореніе преступленій.

Я признаю безъ спора существованіе опаснаго состоянія. Я считаю бесполезнымъ снова возбуждать коитроверзы, которыя были вызваны этимъ вопросомъ; я считаю ихъ устарѣлыми и исчерпанными. Я считаю доказаннымъ, что существуютъ индивиды, которые составляютъ постоянную угрозу для публичной безопасности и прстивъ которыхъ нужно принять особыя мѣры безопасности и соціальной защиты. Теперь нужно сузить проблему и перечислить тѣхъ, кого слѣдуетъ считать опасными, и указать средства, принятіемъ которыхъ можно поставить ихъ въ невозможность осуществлять ихъ зловредную дѣятельность.

Но прежде всего я сдѣлаю общее замѣчаніе. Можно

опредѣлить опаснаго индивида какъ такое лицо, отъ котораго можно ожидать, что оно учинитъ въ будущемъ акты, могущіе поколебать публичный порядокъ. Но, какъ самые рѣшительные детерминисты, такъ и тѣ, которые вѣрятъ въ свободу человѣческой воли, признаютъ, что это предположеніе не представляетъ абсолютной достовѣрности. Если воля чело-вѣка свободна, то актъ ея можетъ находиться въ противорѣчій съ всеми заранѣе составленными предположеніями, если же она опредѣляется необходимо предшествующими причинами, то онѣ слишкомъ многочисленны и сложны, чтобы можно было указать заранѣе ихъ неизбѣжныя слѣдствія. Если это вѣрно, то вопросъ объ „опасномъ состояніи“ сводится къ тому, чтобы знать, въ какихъ случаяхъ вѣроятность соціальной опасности становится достаточно сильной для того, чтобы публичная власть была уполномочена на лишеніе индивида свободы въ качествѣ *предупредительной мѣры*. Изученіе этого вопроса настолько подвинулось впередъ, что мы можемъ различить три группы опасныхъ индивидовъ:

- 1) тѣхъ, которые уже учинили нѣсколько преступленій;
- 2) тѣхъ, привычки и образъ жизни которыхъ заставляютъ думать, что они учинятъ преступленіе;
- 3) тѣхъ, которые, повидимому, имѣютъ естественное предрасположеніе къ преступленіямъ.

1) *Рецидивисты*. Мы прежде всего помѣщаемъ среди опасныхъ индивидовъ неисправимыхъ рецидивистовъ. Можно все предполагать относительно подобныхъ преступниковъ, которые открыто возстали противъ всехъ соціальныхъ законовъ. Изученіе ихъ, предпринятое за послѣдгія 50 лѣтъ во всехъ странахъ, показало, что возрастаніе преступности происходитъ не столько благодаря увеличенію преступниковъ, сколько благодаря многочисленности преступленій, учиненныхъ этими профессионалами. Учинили-ли они нѣсколько важныхъ преступленій, или выполнили большое число мелкихъ деликтовъ, въ обоихъ случаяхъ общественный порядокъ глубоко нарушенъ. Рѣшительный опытъ показываетъ, что нѣтъ серьезныхъ шансовъ на ихъ исправленіе и вѣроятность ихъ рецидива доходитъ до такой достовѣрности, которая оправдываетъ все мѣры

соціальної зашиты. Безъ сомнѣнія, эта увѣренность не безусловна; никогда нельзя утверждать, что человекъ неисправимъ. Приводягь примѣры несомнѣнныхъ рецидивистовъ, которые были реабилитированы. Но это—крайне рѣдкія исключенія, не могущія представлять серьезнаго возраженія противъ ораганизаціи предупредительныхъ мѣръ, которыхъ требуетъ общество.

Въ сущности, эти идеи не новы; существованіе опаснаго рецидивизма вовсе не является открытіемъ современной науки. Сторонники классическихъ теорій всегда признавали, что рецидивистъ долженъ быть подвергнутъ болѣе тяжкому наказанію, и законодательства освятили это рѣшеніе. Но въ болѣе старыхъ теоріяхъ, если наказаніе и становилось болѣе суровымъ, оно все-же не мѣняло своего характера. Оно всегда имѣло въ виду искупленіе послѣдняго учиненнаго преступленія, и природа этого послѣдняго опредѣляла примѣняемое наказаніе. Если послѣднее дѣяніе было легкимъ, то даже усиленное наказаніе не было очень суровымъ. Опытъ доказалъ несостоятельность этой системы репрессій. Обычныя наказанія и, въ особенности, тюремное заключеніе не оказываютъ на рецидивиста устрашающаго вліянія. Тюрьма не исправляетъ такого преступника, будетъ она общей или одиночной, и заключеніе въ ней долго- или краткосрочнымъ. Выйдя изъ мѣста заключенія, онъ думаетъ только о томъ, какъ туда вернуться.

Сторонники новыхъ доктринъ становятся на другую точку зрѣнія. Думая больше о томъ, какъ зашитить общество, чѣмъ наказать виновнаго, они предполагаютъ организовать систему репрессій, вполне могущую отвѣчать первой цѣли. Безъ сомнѣнія, нужно сначала испробовать исправительныя наказанія; уголовный законъ долженъ быть снисходителенъ къ первичному преступнику, который только уступилъ случайному влеченію. Онъ можетъ дойти въ своемъ снисхожденіи до того, чтобы простить первый проступокъ, и такая снисходительность порою является хорошей политикой. Но, когда преступникъ пересталъ обращать вниманіе на эти благожелательныя увѣщанія, когда повтореніемъ своихъ престу-

плений онъ представилъ ясное и опытное доказательство своей неисправимости, тогда общество не только имѣетъ право, но и обязано защитить себя. Такъ какъ обычныя наказанія не могутъ исправить этого злоумышленника, то было бы нелѣпымъ упорно придерживаться ихъ. Нужно поставить этого мятежника въ невозможность причинять вредъ, и не существуетъ другого средства, какъ элиминировать его на долгое время или навсегда изъ той социальной среды, гдѣ онъ служитъ источникомъ постоянныхъ безпокойствъ. Уже не будутъ стараться о томъ, чтобы заставить преступника искупить послѣднее учиненное имъ преступленіе и не будутъ обращать вниманія на объективную тяжесть его проступка. Будутъ судить уже не это преступленіе, а самого преступника, какимъ его характеризуютъ его предшествующія дѣйствія и вся его жизнь. Пусть онъ совершитъ въ послѣдній разъ даже легкое преступленіе, достаточно доказать, что этотъ рецидивистъ рѣшительно неисправимъ, чтобы можно было принять противъ него рѣшительныя мѣры.

Таковы идеи, которыя нашли свое практическое примѣненіе во Франціи уже 25 лѣтъ тому назадъ, въ законѣ о релегации. Еще задолго до того, какъ научно было выведено понятіе „опаснаго состоянія“ рецидивизма, мы приняли противъ рецидивистовъ мѣру элиминированія. Она устранила до настоящаго момента съ французской территоріи 17.000 индивидовъ. Этотъ законъ 1885 г. можетъ быть критикуемъ въ своихъ частностяхъ, и введенная имъ ссылка имѣетъ своихъ противниковъ. Но ошибаются, по нашему мнѣнію, тѣ, которые думаютъ, что она будетъ отмѣнена въ ближайшемъ будущемъ; и если эта отмѣна должна произойти впоследствии, то, очевидно, будутъ приняты мѣры, чтобы не дать рецидивистамъ возможности безпокоить общественный миръ. Идея „опаснаго состоянія“ проникла въ наше законодательство; законодатель будущаго, конечно, не отвергнетъ уже ея.

Но, если я признаю законность и необходимость мѣры социальной защиты противъ опасныхъ рецидивистовъ, я считаю важнымъ не посягнуть на принципъ законности въ уголовномъ правѣ. Рекомендуемая для этой первой категоріи

индивидовъ, находящихся въ „опасномъ состояніи“, теорія вызываетъ опасенія.

Однѣ теоріи считали, что законъ не можетъ опредѣлить заранее, объективно, какихъ рецидивистовъ можно признать опасными. Только судья можетъ оцѣнить субъективно зловредность (*la témibilité*) преступника. Уголовное уложеніе должно ограничиться организаціей мѣръ безопасности, которыя должно принять по отношенію къ привычнымъ преступникамъ, предоставляя судамъ власть примѣнять ихъ сообразно съ обстоятельствами, когда онѣ имъ покажутся необходимыми. Другіе идутъ еще далѣе. Судьи являются компетентными только для опредѣленія того, было ли учинено преступленіе и было ли оно дѣяніемъ подсудимаго. Но, видя этого подсудимаго лишь во время засѣданія, они не могутъ претендовать на то, чтобы знать его. Они не могутъ знать напередъ, какое наказаніе можетъ исправить его, а еще менѣе они могутъ знать, что онъ неисправимъ. Только послѣ провозглашенія наказанія можно оцѣнить то, достигнетъ ли оно своей цѣли исправленія; преступника узнаютъ, когда онъ уже подвергнется наказанію. Тотъ, кто приводитъ наказаніе въ исполненіе и кто имѣетъ время наблюдать за заключеннымъ, находится въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ судья. Для чего открывать двери тюрьмы для заключеннаго, зная, что онъ туда вернется и что онъ воспользуется своей свободой лишь для того, чтобы учинять новыя преступленія и создавать новыя жертвы? Агенты тюремной администраціи, члены наблюдательныхъ комитетовъ и обществъ патроната уже не ошибутся. Почему не позволить особымъ комиссіямъ, составленнымъ изъ этихъ компетентныхъ лицъ, задерживать въ мѣстѣ заключенія опасныхъ индивидовъ? Вѣдь они одни могутъ сказать, въ какой моментъ заключенный можетъ быть освобожденъ безъ опасности для общественнаго порядка?

Всѣ эти теоріи имѣютъ тотъ общій недостатокъ, что онѣ замѣняютъ авторитетъ закона произвольнымъ усмотрѣніемъ судьи или администраціи. Всѣ онѣ нарушаютъ основное правило современнаго публичнаго права, которое бельгійская конституція, между прочимъ, освятила въ своемъ art. 9. „Ни

одно наказаніе не можетъ быть назначено и *примѣнено* иначе, чѣмъ въ силу закона“. Народы, которые живутъ въ режимѣ усмотрѣнія, легко поймутъ опасности, которыя оно представляетъ; но и тѣ, которые пользуются уже давно попечительными гарантіями личной свободы, конечно, не откажутся отъ нихъ. Полезно это напомнить и потому, что нѣкоторые выдающіеся криминалисты либеральнаго направленія, повидимому, думаютъ, что эти принципы потеряли свой практическій интересъ. По ихъ мнѣнію, правила публичнаго права 1789 г. не имѣютъ общей и абсолютной цѣнности, а имѣютъ лишь историческую цѣнность; современныя приобрѣтенія культуры и цивилизаціи даютъ намъ необходимыя моральныя гарантіи противъ злоупотребленій, и теперь мы можемъ питать довѣріе къ современному судѣ, уважающему индивидуальное право въ силу привычекъ, которыя онъ вобралъ въ себя изъ окружающей среды.

Признаюсь, что эти соображенія меня не разубѣждаютъ. Можно всегда бояться, что тотъ, кому вручена произвольная власть, можетъ злоупотреблять ею; это дѣлаетъ онъ порою, будучи въ самой лучшей увѣренности, что онъ исполняетъ свой долгъ. Власть, не имѣющая законнаго ограниченія, можетъ въ уголовномъ правѣ привести или къ чрезмѣрной суровости, или, чего можно бояться еще болѣе, къ ослабленію репрессіи. Современный судья имѣетъ другія склонности, чѣмъ судья стараго времени, но онъ человекъ и подверженъ всѣмъ человѣческимъ страстямъ и недостаткамъ. Я уже сказалъ: само основаніе гражданской свободы заключается въ принципѣ, что холодный, безпристрастный законъ заранѣе, не зная виновнаго, точно опредѣляетъ наказуемыя дѣянія и полагающіяся за нихъ наказанія. Я не допускаю никакого исключенія изъ этого принципа, ни подъ какимъ предлогомъ, такъ какъ при наличности его принципъ компрометируется, и личная свобода подвергается опасности и даже разрушается.

Я хочу поэтому, чтобы противъ этихъ рецидивистовъ были установлены самыя энергическія мѣры общественной защиты, но подъ условіемъ, чтобы законъ опредѣлялъ режимъ этого

наказанія и условія его примѣненія. Наказаніе, продолжительность котораго не была бы указана въ законѣ, а зависѣла бы отъ усмотрѣнія администраціи или комиссій, болѣе или менѣе компетентныхъ, мнѣ кажется опаснымъ. Но это не самый главный упрекъ, который я направляю противъ оспариваемыхъ мною доктринъ. Подъ предлогомъ, что дѣло идетъ не о наказаніи послѣдняго преступленія, а о субъективной оцѣнкѣ самаго преступника, его *témibilité*, предлагаютъ предоставить судамъ рѣшеніе вопроса о томъ, какіе рецидивисты должны быть признаваемы находящимися въ „опасномъ состояніи“. Законъ въ неопредѣленной формулѣ долженъ только позволить судьямъ устранять тѣхъ, которые имъ покажутся неисправимыми. Это, на мой взглядъ, совершенно недопустимо. Нужно, наоборотъ, чтобы формальный текстъ закона указалъ юридическія и объективныя условія „опаснаго состоянія“, принимая во вниманіе природу и тяжесть преступленій, ранѣе учиненныхъ рецидивистомъ, и его предшествующія осужденія. При такихъ условіяхъ уголовный законъ сохранить свои существенныя свойства, которыя въ нашемъ публичномъ правѣ, можетъ быть, менѣе рассчитаны на то, чтобы угрожать злоумышленникамъ, чѣмъ ограждать свободу тѣхъ, которые еще не нарушили его точныхъ предписаній.

2) *Опасныя привычки жизни.* Я только - что показалъ, что устрашительныя и исправительныя наказанія недостаточны по отношенію къ неисправимымъ рецидивистамъ и что по отношенію къ нимъ слѣдуетъ принять мѣры, которыя болѣе обезпечиваютъ общественный порядокъ. То же слѣдуетъ сказать и относительно нѣкоторыхъ индивидовъ, которые хотя и не являются рецидивистами, которые, можетъ быть, никогда не были осуждены, но привычки и образъ жизни которыхъ ясно указываютъ на ихъ опасный характеръ. Въ эту категорію можно отнести, конечно, по различнымъ основаніямъ и съ соответственными различіями, тѣхъ, которые примкнули къ ассоціаціямъ преступниковъ или которые имъ покровительствуютъ, сутенеровъ, которые живутъ отъ проституціи другихъ, привычныхъ пья-

ницъ, нищихъ и бродягъ. Я для примѣра остановлюсь только на этихъ послѣднихъ, чтобы пояснить мою мысль.

Можно всего ожидать отъ этихъ бродягъ, такъ какъ они не извлекаютъ путемъ труда необходимыхъ для нихъ средствъ. У этихъ людей, безъ дома и безъ семьи, нѣтъ мотивовъ, которые могли бы помѣшать имъ учинить преступленія. Общественное мнѣнiе здѣсь не ошибается: они являются предметомъ страха для городовъ и деревень; имъ приписываютъ всѣ преступления и, повидимому, преувеличиваютъ ихъ вредность. Но, съ другой стороны, нелѣпо осуждать этихъ лѣнивцевъ на нѣсколько дней или нѣсколько недѣль тюрьмы; здравый смыслъ и опытъ учатъ насъ, что это наказанiе не можетъ оказать на нихъ никакого исправительнаго влiянiя. Оно только приучаетъ ихъ къ тюрьмѣ, куда они возвращаются потомъ охотно въ трудныя минуты. Нужно по отношенiю къ нимъ принять особыя мѣры и заключить ихъ на долгiй срокъ въ работные дома. Бельгiя въ этомъ отношенiи дала превосходный примѣръ.

Но здѣсь мы встрѣчаемся съ трудностью, на которой я хочу спеціально остановиться. Она появляется по отношенiю къ нищенству и бродяжничеству въ особенно ясной и точной формѣ. Такъ какъ мы принимаемъ по отношенiю къ нимъ только мѣры общественной безопасности, то нельзя ли здѣсь отказаться отъ гарантiи: *Nulla poena sine lege*? Нельзя ли предоставить администрацiи или судебнымъ органамъ власть усмотрѣнiя при опредѣленiи того, когда, по обстоятельствамъ и по ихъ совѣсти, должна быть назначена эта мѣра въ интересахъ общественной дисциплины или даже въ интересахъ этихъ несчастныхъ людей? Не думаю. Я полагаю, что, наоборотъ, мы должны уважать современное публичное право, каково бы ни было названiе и характеръ мѣры, которая фактически лишаетъ индивида его свободы.

Безъ сомнѣнiя, традиционныя формулы, которыя выражаютъ эти принципы, примѣняются только къ наказанiямъ, какими ихъ понимали въ моментъ, когда они вырабатывались, т. е. къ наказанiямъ, искупающимъ нравственную вину. Этотъ взглядъ уже не раздѣляется многими кримина-

листами и, во всякомъ случаѣ, нами. Наказаніе, это—средство, примѣняемое обществомъ для обезпеченія своей безопасности; оно законно, потому что оно необходимо; это не мѣшаетъ впрочемъ, ему согласоваться съ требованіями чувства справедливости и состраданія, которыя обязательны для человечества и которыя дѣлаютъ ему 'честь. Но это утилитарное наказаніе должно быть подчинено всѣмъ правиламъ публичнаго права, чтобы гарантировать индивида противъ произвола и притѣсненія. И если теперь эти мѣры общественной безопасности въ сознаніи представителей новыхъ теорій, болѣе смѣломъ и великодушномъ, порою превращаются въ мѣры помощи, то не является ли все-таки эта помощь *принудительной*, и не слѣдуетъ ли все-таки настаивать на сохраненіи этихъ конституціонныхъ принциповъ? Вѣдь одинаково лишаютъ меня свободы, если меня будутъ держать подъ предлогомъ наказанія или подъ предлогомъ помощи, если меня помѣстятъ въ тюрьму или въ работный домъ, въ пріютъ для нищихъ или убѣжище. Этого нельзя допускать иначе, какъ при условіи предоставленія тому, противъ кого эти мѣры принимаются, гарантіи судебного рѣшенія, примѣняющаго законъ, опредѣляющій заранѣе случаи, въ какихъ эти мѣры должны быть примѣняемы.

Всѣ эти идеи найдутъ свое специальное примѣненіе и въ отношеніи нищенства и бродяжничества. Я уже указалъ, что эти послѣднія представляютъ собою не деликты, за которые должно быть назначено нормальное наказаніе, а „опасныя состоянія“, средство противъ которыхъ заключается въ помощи и трудѣ. Общество обязано предоставить эту поддержку всѣмъ несчастнымъ каждый разъ, когда они того требуютъ. Оно можетъ идти далѣе и принудительно налагать ее. Но тогда, ставъ принудительной, эта поддержка становится похожей на наказаніе, и потому должна подлежать тѣмъ же правиламъ. Было бы специальнымъ нововведеніемъ устраненіе всѣхъ гарантій гражданской свободы подъ предлогомъ, что мы отняли отъ наказанія его искупительный характеръ и сдѣлали изъ него мѣру социальной защиты и поддержки.



Въ результатѣ законъ долженъ предписывать принятіе принудительной поддержки только по отношенію къ явно опаснымъ бродягамъ и нищимъ. Было бы незаконнымъ, на мой взглядъ, заточать стариковъ или больныхъ, которые существуютъ на счетъ общественной благотворительности, но которые безобидны. Напрасно стануть говорить, что эти несчастные должны быть помимо ихъ воли патрониремы и ихъ собственный интересъ требуетъ того, чтобы ихъ помѣстили въ убѣжище, гдѣ они получаютъ кровъ, пищу и попеченіе. Я питаю больше уваженія къ свободѣ. Если они предпочитаютъ свободную и несчастную жизнь помѣщенію въ благотворительныя учрежденія, то это ихъ право, и общество должно воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства.

Во-вторыхъ, законъ долженъ дать точное опредѣленіе бродяжничества и нищенства и опредѣлить, въ какихъ случаяхъ „опасное состояніе“ должно влечь принудительное интернированіе. Это является единственнымъ средствомъ воспрепятствовать судьямъ, въ силу рвенія или ошибокъ, распространять эту мѣру на безвредныхъ индивидовъ и смѣшивать, напр., лѣнивца, который эксплуатируетъ благотворительность, съ рабочимъ, жертвой безработицы. Безъ законныхъ опредѣленій этотъ рабочій не былъ бы защищенъ отъ подобнаго столь печальнаго смѣшенія.

Наконецъ, это принудительное помѣщеніе въ работный домъ можетъ быть предписываемо только судьей, послѣ соответственнаго наставленія въ указанныхъ закопомъ формахъ, гарантирующихъ свободу защиты.

При этихъ условіяхъ, и только при нихъ, можно привѣтствовать превращеніе наказанія и новыя теоріи общественной защиты. Управляемые и сдерживаемыя правомъ, эти доктрины не подвергнутся опасности, угрожающей всѣмъ тѣмъ, которые основываются на простой полезности, опасности произвола и преувеличенія значенія репрессивныхъ мѣръ.

3. *Опасное состояніе, проистекающее изъ ненормальнаго умственнаго состоянія.* Мы считаемъ излишнимъ доказывать то положеніе, что многіе преступники являются нормальными и что ихъ умственныя качества являются

болѣе или менѣе сильно ослабленными. Никто не можетъ теперь оспаривать это. Очевидно, что лица, имѣющія такіе интеллектуальные пороки, часто не могутъ согласоваться съ требованіями общественной дисциплины и нарушаютъ болѣе другихъ общественный порядокъ. Они находятся, такимъ образомъ, „въ опасномъ состояніи“. Хуже всего, что эта новая группа индивидовъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Съ одной стороны, возбужденія современной жизни, не считая послѣдствій алкоголизма, увеличиваютъ въ чрезвычайно тревожной пропорціи число сумасшедшихъ и вырождающихся, а съ другой стороны, прогрессъ психіатріи позволяетъ уже различать такіе умственные дефекты, которые раньше оставались незамѣченными. Не впадая въ крайности тѣхъ, которые повсюду видятъ ненормальныхъ, все-же необходимо констатировать, что значительное число ненормальныхъ ежедневно фигурируетъ въ судахъ и заполняетъ тюрьмы, и признать въ этомъ большую опасность для общества. Эти умственные дефекты сильно проявляются у тѣхъ, которыми мы уже занимались: сколько рецидивистовъ и привычныхъ преступниковъ являются совершенно разстроенными умственно, сколько ихъ среди нищихъ и бродягъ, менѣе лѣнливыхъ, чѣмъ слабыхъ, неспособныхъ къ серьезному физическому усилю! Значительное число даже первичныхъ и случайныхъ преступниковъ, по видимому, лишь поддалось естественнымъ склонностямъ, которыя ослабляютъ ихъ разумность, рассудокъ или ихъ волю.

Что можетъ и что должно предпринять общество для защиты отъ этихъ аномальныхъ индивидовъ? Эта капитальная проблема занимаетъ въ настоящее время криминалистовъ, психіатровъ и социологовъ, разсужденія которыхъ объ основаніяхъ уголовного права, природѣ и цѣли наказаній и уголовной политикѣ наталкиваются на этотъ серьезный вопросъ. Этотъ послѣдній не находится теперь въ одной только области науки и незаинтересованнаго теоретизированія; практики чувствуютъ настоятельную потребность въ его разрѣшеніи, и законодатели всѣхъ странъ стараются найти тому исходъ. Этотъ исходъ, несомнѣнно, является дѣломъ завтрашняго дня.

Утверждаютъ, что это произведетъ въ области уголовного права болѣе глубокую революцію, чѣмъ та, которая трансформировала уголовныя уложенія въ концѣ XVIII вѣка, что съ наступленіемъ этого наши современныя понятія и наши наказанія покажутся болѣе нелогическими и болѣе варварскими, чѣмъ намъ теперь кажутся жестокіе принципы нашей старой или китайской юриспруденціи. Возможно, въ особенности по отношенію къ аномальнымъ, утверждать, что наказаніе превратится въ мѣру помощи, а тюрьма, въ которой ихъ наказываютъ, въ убѣжище, гдѣ о нихъ будутъ заботиться. Я не знаю будущаго и не берусь его предсказывать. Но именно въ виду близости практическихъ осуществленій необходимо замѣтить, что новыя реформы должны быть примиряемы съ прогрессомъ, уже достигнутымъ въ области публичнаго права всѣхъ свободныхъ народовъ.

Классическая теорія возмездія оказалась окончательно непригодной для рѣшенія этихъ важныхъ затрудненій. Она считаетъ необходимымъ налагать наказаніе на виновнаго въ зависимости отъ его моральной отвѣтственности. Но какъ измѣрить ее? Судьи, чувствуя свою некомпетентность, искали отвѣта у судебныхъ врачей, которые выпутывались изъ этого, признавая теорію уменьшенной отвѣтственности. Теперь наиболѣе выдающіеся врачи, понимая, насколько мало соответствующимъ наукѣ является этотъ отвѣтъ, отказываются окончательно признать его. Между тѣмъ судьи продолжаютъ смягчать наказаніе всякій разъ, когда они встрѣчаются съ аномальнымъ обвиняемымъ, и оправдывать при наличности душевной болѣзни. Но по отношенію къ сумасшедшимъ не принимаютъ никакихъ мѣръ, а краткія наказанія ослабляютъ репрессію и оставляютъ общество безъ защиты.

Утилитарная теорія не приводитъ къ такимъ выводамъ. Не разсматривая вопроса о моральной отвѣтственности дѣятеля—это вопросъ чистой метафизики—и не налагая на судей невозможное бремя опредѣленія размѣровъ ея, она только отыскиваетъ средства, могущія гарантировать необходимую дисциплину соціальной жизни. Но эта теорія скомпрометтируетъ себя, если изъ нея сдѣлаютъ выводъ, что всѣ сред-

ства хороши для достиженія этой цѣли. Существуютъ и другіе принципы, которые ограничиваютъ право общества. Оно имѣетъ еще обязанность защищать и гарантировать личную свободу этихъ аномальныхъ индивидовъ.

Конечно, не существуетъ опредѣленной границы между разумомъ и безуміемъ. Наука установила существованіе такихъ индивидовъ, какъ аномальные, дегенераты, недостаточные, нравственные идіоты или полусумасшедшіе, которые, не являясь душевно-больными, не вполне однако пользуются полнотою своихъ душевныхъ способностей. Слѣдуетъ ли ихъ помѣстить среди опасныхъ индивидовъ, противъ которыхъ слѣдуетъ принять предупредительныя мѣры? Въ этомъ главное затрудненіе. Я разсмотрѣлъ вопросъ въ своемъ амстердамскомъ докладѣ и могу лишь повторить то, что я сказалъ. Для рѣшенія его нужно разсмотрѣть три гипотезы.

Можно предположить сначала, что вырожденный еще не учинилъ преступленія. Тогда, безъ сомнѣнія, противъ него нельзя принять никакой предупредительной мѣры, нельзя лишить его свободы даже подъ предлогомъ помочь ему. Въ самомъ дѣлѣ, его нельзя занести съ какой либо увѣренностью въ ряды индивидовъ, находящихся въ „опасномъ состояніи“.

Напрасно станутъ утверждать, что вырождающіеся болѣе другихъ склонны къ преступности: нѣтъ ничего менѣе достовѣрнаго, и эта презумпція очень слаба. Правда, я самъ только что утверждалъ, что многіе преступники являются аномальными и дефективными, но, конечно, невѣрно, что всѣ аномальные и дефективные являются преступниками. Они кажутся часто эксцентричными, оригинальными и странными, они бывають невыносимы для окружающихъ, они плохо устраиваютъ свою жизнь и свои дѣла; въ политикѣ они бросаются въ крайнія партіи и оказываютъ власти самую непріятную и страстную оппозицію; но это все не даетъ права лишать ихъ свободы, если они не совершаютъ никакого напередъ запрещеннаго закономъ дѣянія. Никто, ни судья, ни экспертъ, ни юристъ, ни врачъ, ни соціологъ, ни психіатръ не могутъ утверждать, что они совершаютъ преступленіе. Многіе, наоборотъ, воздержатся отъ преступленія, и, кто знаетъ,

можетъ быть, эти наслѣдственно-вырождающіеся дадутъ примѣры самыхъ высокихъ добродѣтелей и возвышенныхъ чувствъ. Единственнымъ средствомъ узнать, опасны ли они, является учиненіе ими преступнаго дѣянія; только это опытное доказательство можетъ уполномочить общество на то, чтобы интернировать ихъ въ тюрьму или въ убѣжище принудительной помощи.

Во-вторыхъ, возможно, что индивидъ учинить дѣяніе, которое по объективному характеру малозначительно и которое законъ облагаетъ лишь легкимъ наказаніемъ. Если данный индивидъ является наслѣдственно-вырождающимся или дефективнымъ, то можетъ ли судья примѣнить къ нему мѣру, которая лишаетъ его на долгій срокъ, можетъ быть, навсегда, свободы, подъ предлогомъ, что онъ опасенъ и что слѣдуетъ защитить общество противъ его эксцессовъ? Кто можетъ предложить это? Легкій деликтъ, который онъ учинилъ, показываетъ, что онъ способенъ поступать дурно и что онъ заслуживаетъ наказанія, но ничто еще не позволяетъ утверждать, что наказаніе его не исправитъ. Безъ сомнѣнія, можно думать, что онъ рецидивируетъ, такъ какъ онъ не удержался въ первый разъ и его разсудокъ не развитъ, а воля слаба, такъ какъ онъ болѣе импulsiveвъ, мстителенъ, склоненъ къ насилию, но и здѣсь никто не можетъ быть увѣренъ, что этотъ рецидивъ совершится. Какъ бы пессимистичны ни были предположенія, мы еще не можемъ помѣстить этого человѣка въ ряды опасныхъ преступниковъ. „Опасное состояніе“ его будетъ установлено только посредствомъ повторенія преступныхъ актовъ, т. е. объективнымъ путемъ, посредствомъ рецидива. Пока этотъ рецидивъ не будетъ констатированъ въ судебномъ порядкѣ, нельзя его наказывать иначе какъ за дѣйствительно учиненное имъ преступленіе. Превышать максимумъ законнаго наказанія подъ предлогомъ соціальной защиты значило бы отказываться отъ всѣхъ гарантій противъ произвола.

Третья возможность представится, наконецъ, въ томъ случаѣ, когда дефективный или полусумасшедшій учинить тяжкое преступленіе. Въ то время какъ классическая теорія, господствующая въ практикѣ, требуетъ примѣненія къ такому индивиду

съ уменьшенной отвѣтственностью смягченнаго наказанія, т. е. наказанія недѣйствительнаго и плюзорнаго, новыя теоріи предлагаютъ присоединить къ этому наказанію, или вмѣсто него назначить къ качествѣ мѣры безопасности, долгосрочное интернированіе въ спеціальному учрежденіи, относительно котораго еще хорошо не знаютъ, будетъ ли то больше тюрьма, чѣмъ убѣжище, или убѣжище больше, чѣмъ тюрьма.— Я признаю, что опасное состояніе здѣсь установлено неоспоримымъ доказательствомъ: объективной тяжестью учиненнаго дѣянія. Я не оспариваю пользы принятія дѣйствительныхъ мѣръ противъ тяжкихъ преступниковъ и буду привѣтствовать, если этого достигнуть какими либо средствами. Замѣчу только, что заточеніе въ видахъ поддержки не должно всегда походитъ на тюремное заключеніе и на наказаніе. Но, съ другой стороны, не должно организовывать столь мягкихъ мѣръ, которыя могли бы поощрять дефективныхъ учинять подобныя преступленія, ни преувеличивать суровость режима, ибо тогда была бы нарушена справедливость, такъ какъ ненормальные подвергались бы болѣе суровому режиму, чѣмъ нормальные преступники. Во всѣхъ случаяхъ необходимо, чтобы только законъ опредѣлилъ всѣ преступленія, которыя по своей объективной тяжести достаточны для признанія опаснаго состоянія преступника, чтобы только законъ опредѣлилъ общій режимъ заточенія, чтобы только законъ обозначилъ максимумъ его. Нельзя допустить, чтобы продолжительность лишенія свободы была въ законѣ опредѣлена для нормальнаго преступника, и оставалась неопредѣленной и произвольной, если онъ является наследственно вырождающимся.

Противъ этого, безъ сомнѣнія, станутъ возражать. Преступникъ-умалишенный, индивидъ, разсматриваемый какъ совершенно безотвѣтственный, несомнѣнно является опаснымъ, который долженъ быть поставленъ въ невозможность причинять вредъ. Къ нему нельзя примѣнять исправительныхъ и даже нормально-устранительныхъ наказаній, онъ ихъ не понялъ бы, а наказанія остались бы безъ всякаго вліянія на его волю. Такой индивидъ нуждается въ помощи, которая, безъ сомнѣнія, должна быть ему предоставлена. Нѣтъ необхо-

димости для его интернированія ждать, чтобы онъ учинилъ преступленіе; достаточно, чтобы его душевная болѣзнь показала, что онъ серьезно подверженъ склонности учинить его, если онъ будетъ оставленъ на свободѣ. Противъ него дѣйствуютъ предупредительно, такъ какъ было бы нелѣпнымъ ждать, пока явятся жертвы, чтобы послѣ заключить его въ убѣжище. Но, скажутъ, если эти мѣры допустимы по отношенію къ сумасшедшимъ, то почему ихъ нельзя примѣнять по отношенію къ дефективнымъ и полусумасшедшимъ, находящимся въ „опасномъ состояніи“, такъ какъ рѣчь идетъ не о наказаніи ихъ, а о помощи имъ?

Отвѣтъ для насъ не является труднымъ. Сумасшествіе есть особое состояніе, для котораго въ силу необходимости нужно установить особыя правила. Доказательствомъ того служить хотя бы то, что интернируютъ не только опасныхъ умалишенныхъ, но и безвредныхъ, если они не могутъ руководить своими дѣйствіями и неспособны удовлетворять свои собственыя нужды. Конечно, нельзя требовать отъ закона, чтобы онъ предвидѣлъ заранѣе дѣйствія умалишенныхъ, которыя обязательно должны влечь за собою ихъ помѣщеніе въ убѣжища; законъ безсиленъ сдѣлать это. Но эта гарантія уже не необходима, такъ какъ сумасшествіе представляетъ собою не только болѣе или менѣе вѣроятную опасность въ будущемъ, но является само по себѣ объективной опасностью, которую можно констатировать, провѣрить и контролировать, которая сама по себѣ, независимо отъ своихъ внѣшнихъ проявленій, оправдываетъ интернированіе. Другими словами, для того чтобы можно было помѣстить сумасшедшаго въ убѣжище, необходимо, чтобы его безуміе было явнымъ, и это уже исключаетъ всякій произволъ. Это необходимое исключеніе, по слѣдуетъ очень остерегаться того, чтобы расширять и обобщать его.

Отсюда я извлекаю доказательство, которое, можетъ быть, будетъ имѣть извѣстную цѣнность. Извѣстно, какъ возмущается общественное мнѣніе, когда становится извѣстнымъ какой либо случай произвольнаго заточенія подъ предлогомъ душевной болѣзни. Чаще всего заточеніе было вызвано вполне

правильными причинами, и все-таки раздаются протесты. Что было бы, если бы интернирование могло бы применяться къ индивидамъ, можетъ быть, даже политическимъ преступникамъ, которые пользуются своимъ разумомъ? Какой свободный народъ допустилъ бы подобное посягательство на его личныя права?

Въ заключеніе я полагаю, что существуютъ индивиды, находящіеся въ „опасномъ состояніи“, противъ которыхъ общество можетъ принять самыя энергичныя мѣры соціальной защиты. Эти мѣры должны разнообразиться въ своей природѣ и въ своемъ режимѣ, и можно предвидѣть, что въ будущемъ онѣ будутъ носить характеръ не столько пенитенціарный, сколько благотворительный. Но, такъ какъ эта поддержка является принудительной, она должна быть подчинена охранительнымъ правиламъ публичнаго права, гарантирующимъ личную свободу. Ни одна мѣра, влекущая для гражданина лишеніе свободы, не можетъ быть предписана иначе, какъ судебною властью, послѣ публичнаго и состязательнаго производства и за дѣянія, которыя законъ рапѣе и точно перечислялъ.

Я закончу двумя предложеніями, тождественными съ тѣми, которыя были приняты Французской группой союза на съѣздѣ въ Rennes.

I. Существуютъ преступники, которые въ силу ихъ умственного состоянія или преступной жизни должны быть признаны опасными.

II. Индивидъ, находящійся въ „опасномъ состояніи“, не можетъ быть лишенъ гарантій индивидуальной свободы. Законъ долженъ опредѣлить условія этого опаснаго состоянія, и онъ можетъ сдѣлать это, только принимая во вниманіе повтореніе или объективную тяжесть преступнаго дѣянія“.

Въ своемъ устномъ резюмѣ доклада проф. Гарсонъ еще разъ подчеркнул то, что понятіе опаснаго состоянія не представляетъ собою новаго приобрѣтенія криминалистики, но извѣстно съ XVI и XVIII в.в., теперь только оно комбини-

руется не съ идеей „vengeance“, какъ прежде, а съ идеей „assistance“, что нельзя при проведеніи ея отрѣшиться отъ выработанныхъ уже гарантій, потому что *droit pénal n'est pas un ménage, c'est une garantie*, и нельзя жертвовать свободой въ угоду утилитарнымъ теоріямъ, доведеннымъ до крайности.

Продолженіе обсужденія этого вопроса происходило въ дневномъ засѣданіи 2 августа, подъ предсѣдательствомъ В. Набокова. Докладчикъ, проф. Листъ, извинившись за то, что не подготовилъ своего доклада на французскомъ языкѣ, ограничился раздачей тезисовъ слѣдующаго содержанія, къ которымъ затѣмъ сдѣлалъ рядъ комментаріевъ.

Проф. Ф. Листъ поставилъ на обсужденіе слѣдующіе тезисы:

I. Опасное состояніе и мѣры соціальной защиты. Общія замѣчанія.

1. Существованіе *опаснаго состоянія* должно быть признано, когда можно заключить по особымъ интеллектуальнымъ признакамъ, характеризующимъ индивида, что угроза и не-полненіе обычнаго наказанія не сумѣютъ удержать его отъ учиненія преступныхъ дѣяній. Опасное состояніе можетъ существовать и тогда, когда индивидъ еще не учинилъ какого либо преступнаго дѣянія.

2. *Мѣрами соціальной защиты* являются какъ *мѣры приспособленія* (*mesures d'adaption*), такъ и *мѣры устраненія* (*mesures d'élimination*). Первыя имѣютъ цѣлью приспособить индивида къ соціальной жизни, вторыя—изъять его изъ нея. Первыя, если онѣ по истеченіи извѣстнаго промежутка времени не достигли цѣли, должны прекратить свое дѣйствіе, вторыя должны длиться до тѣхъ поръ, пока имѣется на лицо опасное состояніе, противъ котораго онѣ направлены.

3. *Личная свобода* не подвергнется опасности принятіемъ мѣръ общественной защиты, если законодательство укажетъ условія, при которыхъ оно признаетъ наличность опаснаго состоянія, и если судѣ будетъ поручено опредѣленіе момента, когда онѣ должны начать свое дѣйствіе и когда

должны прекратиться, въ качествѣ предварительной или окончательной инстанціи. Въ случаѣ, когда признаніе опаснаго состоянія зависитъ отъ учиненія преступнаго дѣянія, соотвѣтственныя распоряженія должны быть предприняты уголовнымъ судьей на основаніи уголовного уложенія и въ порядкѣ уголовного судопроизводства; въ этомъ случаѣ мѣра общественной защиты можетъ быть назначена или вмѣсто наказанія, или въ дополненіе къ нему.

II. Мѣры приспособленія по отношенію къ преступникамъ.

1. По отношенію къ юнымъ преступникамъ, когда воспитательныя мѣры явятся необходимыми для приспособленія ихъ къ требованіямъ общественной жизни, эти мѣры должны быть осуществляемы подъ наблюденіемъ государства. Онѣ должны во всякомъ случаѣ прекратиться съ достиженіемъ гражданскаго совершеннолѣтія.

2. По отношенію къ преступникамъ, побудительнымъ мотивомъ (mobile) которыхъ является праздность или дурное поведеніе (l'incapacité), слѣдуетъ предписать заточеніе въ работный домъ, если будетъ признано необходимымъ и соотвѣтственнымъ привить имъ привычку къ регулярному труду. Заточеніе не должно превышать извѣстнаго указаннаго въ законѣ срока (напр., 5 лѣтъ).

3. По отношенію къ преступникамъ, побудительнымъ мотивомъ которыхъ является пьянство, слѣдуетъ предписывать заточеніе въ убѣжище для пьяницъ, если эта мѣра окажется соотвѣтственной и необходимой для ихъ излѣченія. Заточеніе не можетъ превышать извѣстнаго максимума, указаннаго въ законѣ (напр., 3 лѣтъ).

III. Мѣры устраненія по отношенію къ преступникамъ.

1. Преступникъ *умалишенный*, оправданный по невмѣняемости, долженъ быть помѣщенъ въ особое учрежденіе, если будетъ установлено его опасное состояніе, до тѣхъ поръ, пока оно продолжается.

2. То же правило и при тѣхъ же условіяхъ дѣйствительно для преступника, которому назначеніе было смягчено вслѣдствіе *уменьшенной вмѣняемости*.

3. Преступникъ душевно-нормальный, который явится опаснымъ вслѣдствіе *повторнаго и тяжкаго рецидива*, долженъ быть интернированъ до тѣхъ поръ, пока длится его опасное состояніе. Вопросъ о томъ, долженъ ли онъ быть помѣщенъ въ пенитенціарій или въ специальное учрежденіе, является второстепеннымъ. Напротивъ того, слѣдуетъ безусловно отвергнуть опредѣленіе въ приговорѣ заранѣе продолжительности заключенія.

IV. Мѣры соціальной защиты по отношенію къ лицамъ, не учинившимъ преступленія (non délinquants).

1. Опасное состояніе индивида можетъ существовать даже безъ того, чтобы онъ учинилъ преступное дѣяніе. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ опредѣлить въ законѣ съ особой тщательностью условія примѣненія мѣръ соціальной защиты. Власть опредѣленія этихъ мѣръ, наблюденія за ихъ примѣненіемъ и опредѣленія момента, когда онѣ должны прекратиться, должна быть вручена обычному гражданскому судѣ.

2. Въ настоящее время можно рекомендовать мѣры соціальной защиты только въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) почти всѣ цивилизованныя страны установили правила государственнаго воспитанія по отношенію къ *заброшеннымъ дѣтямъ и подросткамъ*;

б) по отношенію къ *опаснымъ умалишеннымъ* должно быть предписано продолжительное заключеніе въ порядкѣ назначенія опеки. При этомъ требуется, чтобы экспертиза установила наличность одной изъ типическихъ формъ душевнаго расстройства;

в) по отношенію къ лицамъ, опаснымъ вслѣдствіе *привычки къ пьянству*, должно быть предписано обычнымъ гражданскимъ судьей временное помѣщеніе въ убожище для пьяницъ.

3. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, режимъ, примѣняе-

мый къ опаснымъ индивидамъ, преступнымъ и непереступнымъ, долженъ быть опредѣленъ *особымъ законодательствомъ*. Не имѣеть значенія то обстоятельство, учинилъ-ли опасный индивидъ преступное дѣяніе, или нѣтъ, такъ какъ существо мѣръ соціальной защиты остается въ обоихъ случаяхъ тѣмъ же.

Хотя эти тезисы ясны сами по себѣ, тѣмъ не менѣе мы приведемъ нѣкоторыя поясненія, сдѣланныя проф. Листомъ.

Онъ указалъ, что рекомендуемая имъ *mesures d'adaptation* весьма приближаются къ намѣченнымъ проф. Гарсономъ *mesures d'assistance* и что въ сущности оба они расходятся только по вопросу о широтѣ судейскаго усмотрѣнія и о мѣрахъ по отношенію къ опаснымъ индивидамъ, еще не учинившимъ преступленія. Онъ только начинаетъ ставить свои тезисы тамъ, гдѣ кончилъ Гарсонъ. Гарсонъ установилъ принципъ, онъ намѣчаетъ самыя мѣры. Онъ не очень заботится о теоретическомъ обоснованіи своихъ мѣръ, такъ какъ имѣеть въ виду точку зрѣнія практическаго законодательства, которая должна предшествовать теоріи и которая диктуется потребностями жизни. Для него не важенъ споръ, какъ будутъ называться новыя мѣры соціальной защиты. Мы теперь имѣемъ три проекта: швейцарскій, германскій и австрійскій, и каждый изъ нихъ даетъ этимъ мѣрамъ различную квалификацію. Швейцарскій проектъ считаетъ, что эти мѣры *замѣняютъ* наказаніе, германскій—что они составляютъ одинъ изъ *видовъ наказанія* (*Sicherungsstrafe*), и австрійскій—что они *дополняютъ* наказаніе. Но во всѣхъ случаяхъ существо ихъ остается тѣмъ же. Отношеніе между мѣрами безопасности и наказаніемъ можетъ быть изображено въ видѣ двухъ концентрическихъ круговъ, частью покрывающихъ другъ друга: каждое наказаніе есть отчасти мѣра безопасности, и каждая мѣра безопасности есть отчасти наказаніе.

Судья не можетъ опредѣлять продолжительность этихъ мѣръ, законодатель здѣсь можетъ указать только максимумъ продолжительности ихъ. Для точнаго опредѣленія продолжительности ихъ должны быть созданы особые органы, кото-

рые рѣшаютъ вопросъ объ условномъ и безусловномъ освобожденіи. Необходимо однако, чтобы назначеніе этихъ мѣръ происходило въ порядкѣ уголовного процесса и рѣшалъ объ этомъ уголовный судья. Онъ не можетъ согласиться съ Rrips'омъ, который предлагаетъ, чтобы имъ былъ судья высшаго суда; этотъ послѣдній имѣетъ мало соприкосновенія съ жизнью и болѣе привыкъ къ абстрактнымъ формуламъ.

По отношенію къ опаснымъ индивидамъ, еще не учинившимъ преступленія, проф. Листъ не считаетъ возможнымъ идти такъ далеко, какъ Rrips, и полагаетъ необходимымъ ограничиться пока указанными подъ п. IV группами. Возраженія противъ принудительнаго примѣненія къ нимъ мѣръ безопасности, исходящія изъ ссылокъ на государственное право, которыя выставлены проф. Гарсономъ, лучше всего опровергаются рядомъ новыхъ мѣръ, основанныхъ на принужденіи, но въ благодѣтельности которыхъ никто не сомнѣвается. Такова, напр., инспекція жилищъ, противъ которой однако никто не выставляетъ ссылокъ на гарантированную конституціей неприкосновенность жилища, таковы максимальный рабочий день, запрещеніе ночныхъ работъ, минимальная заработная плата и т. д. Нельзя стоять только на точкѣ зрѣнія стараго либерализма, нужно поставить общественные интересы выше индивидуальныхъ.

Что же касается теоретическихъ возраженій противъ новаго понятія опаснаго состоянія, то проф. Листъ согласенъ со словами министра юстиціи о томъ, что это вопросъ философіи права, а не вопросъ криминалистики.

Рѣчь проф. Листа, переведенная тутъ же на французскій языкъ В. Д. Набоковымъ, сосредоточила на себѣ главнѣйшія возраженія оппонентовъ. Отличаясь рѣзкимъ предпочтеніемъ практическихъ точекъ зрѣнія теоретическимъ, рѣзкимъ осужденіемъ старыхъ началъ уголовного права и рекомендуемымъ расширеніемъ судейскаго усмотрѣнія, она вызвала рядъ возраженій по существу, и оппозиціонный духъ доминировалъ въ рѣчахъ почти всѣхъ высказывавшихся послѣ оппонентовъ.

Проф. *van Hamel* указывает, что въ разсматриваемомъ вопросѣ можно намѣтить четыре отдѣла:

1) вопросъ о мѣрахъ по отношенію къ опаснымъ преступникамъ;

2) вопросъ о группахъ лицъ, признаваемыхъ опасными;

3) вопросъ о юридическихъ условіяхъ, при которыхъ опасность можетъ быть признана;

4) вопросъ о самомъ понятіи опасности.

Ванъ Гамель не видитъ разницы между наказаніемъ и мѣрою безопасности. Всякое наказаніе есть мѣра безопасности. Съ другой стороны, тюрьма съ директоромъ-врачомъ не измѣняетъ своего характера наказанія.

Различныя категоріи опасныхъ индивидовъ оппонентъ раздѣляетъ на 4 группы: 1) рецидивисты, 2) бродяги, 3) алкоголики и 4) дефективныя.

Для выясненія юридическихъ условій опасности нужно сначала рѣшить четвертый вопросъ о самомъ понятіи опасности. Этимъ понятіемъ часто злоупотребляютъ; опасность въ жизни часто необходима и полезна. *Une vie sans danger était un grand danger, comme bébé il nous faut de danger, nous sommes habitués de danger*,—говорилъ ванъ-Гамель. Опасность создаетъ атмосферу, стимулирующую нашу дѣятельность, безъ которой немислимъ прогрессъ. Что было бы съ современными авто, если бы все власти послѣдовали примѣру одного голландскаго губернатора, который 25 лѣтъ тому назадъ воспретилъ движеніе по дорогамъ механическихъ двигателей, такъ какъ они вызываютъ опасность? Развѣ авіатика могла бы развиваться, если бы остерегались каждой опасности? Терминъ „опасность“ слишкомъ неопредѣленъ, чтобы его помѣстить въ уголовномъ кодексѣ. Нужно опредѣлить, какой именно родъ опасности имѣетъ въ виду законодатель. И здѣсь можно намѣтить слѣдующія группы:

1) посягательства на жизнь (здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду не только покушеніе, но даже и угрозы);

2) посягательства на половую жизнь ребенка (*attentats à la debauché de l'enfant*);

3) изъ посягательствъ на собственность—разбой и тяж-

кѣй рецидивъ кражи; здѣсь нельзя быть очень строгимъ, такъ какъ наличность воровъ заставляетъ внимательно оберегать свою собственность, быть насторожѣ при экономическихъ сдѣлкахъ и т. д.;

4) *крупныя мошенничества*, которыя приняли международный характеръ и мѣры предосторожности по отношенію къ которымъ тщетны.

Признавъ эти условія, можно по отношенію къ такимъ преступникамъ примѣнять неопредѣленные приговоры и стремиться обезопасить ихъ.

Слѣдующій ораторъ, секретарь Международнаго союза, адвокат *И. Jaspas* указываетъ, что вопросъ объ опасномъ состояніи заставляетъ пересмотрѣть всѣ предпосылки новой школы.

Мѣры приспособленія уже стали проникать въ различныя законодательства Европы. Эти законодательства ставятъ себѣ задачу предупредить репрессію посредствомъ мѣръ соціальной безопасности. Международный союз началъ свою работу съ вопроса о рецидивистахъ. Тогда уже принимались по отношенію къ нимъ особыя мѣры (отягченіе режима въ Бельгіи, релѣгація во Франціи). Вопросъ этотъ прошелъ эклипсъ чрезъ Христіанію, Бернъ и Берлинъ и снова вернулся въ Брюссель въ формѣ болѣе сложной, поставленной на новыя основанія. Конечно, законодатель долженъ опредѣлить понятіе опаснаго состоянія, и тогда тѣ сомнѣнія, на которыя указывалъ ванъ-Гамель, относительно возможнаго расширенія его, отпадутъ. Однако онъ не можетъ согласиться съ Гамелемъ относительно объективнаго критерія, который тотъ выставляетъ для опредѣленія опасности. Въ противовѣсъ этому онъ предлагаетъ слѣдующую формулу: „Судья можетъ признавать опасными тѣхъ преступниковъ, которые или въ силу своихъ личныхъ прецедентовъ, или въ силу наслѣдственности, или въ силу предшествующей судимости, или вслѣдствіе образа жизни и характера учиненнаго ими дѣянія, представляютъ особую опасность для общества и вызываютъ необходимость примѣненія особыхъ репрессивныхъ мѣръ“.

Засѣданіе 3-го августа утромъ, подъ предѣдательствомъ

ванъ-Гамеля, посвящается продолженію преній по вопросу объ опасномъ состояніи.

Пренія начинается румынскій проф. *Visois-Corteano*, который сначала излагаетъ взгляды на этотъ предметъ своего учителя Таповисано, который не имѣлъ возможности пріѣхать на съѣздъ. Этотъ послѣдній на ряду съ сознательной преступностью признаетъ и безсознательную, онъ допускаетъ неопредѣленные приговоры и мѣры безопасности. Самъ Corteano въ интересахъ огражденія личной свободы не допускаетъ признанія опаснаго состоянія преступника только по усмотрѣнію судьи. Нужно различать среди преступниковъ:

- 1) опасныхъ вслѣдствіе болѣзненныхъ склонностей;
- 2) вырождающихся;
- 3) случайныхъ преступниковъ.

Только по отношенію къ первымъ могутъ быть примѣняемы мѣры безопасности.

Слѣдующимъ ораторомъ выступаетъ *В. Д. Набоковъ*, рѣчь котораго имѣла большой успѣхъ на съѣздѣ. Онъ указываетъ, что между мѣрами безопасности и мѣрами наказанія существуетъ несомнѣнная разница, первыя представляютъ собою социальное понятіе, тогда какъ вторыя—моральное. Нельзя руководиться только практическими соображеніями, какъ говорилъ Листъ, и смѣшивать вмѣстѣ полицію и юстицію. Мы идемъ въ сущности еще съ закрытыми глазами, ибо не имѣемъ достаточнаго опыта по примѣненію мѣръ безопасности. Въ Норвегіи ихъ не рѣшаются примѣнять, а въ Швейцаріи, Германіи и Австріи онѣ существуютъ лишь въ проектѣ. Россія знаетъ „опасное состояніе“ и мѣры безопасности въ видѣ административной высылки крестьянъ по приговорамъ обществъ, но едва-ли можно говорить объ успѣхѣ этой отживающей мѣры. Разъ допустивъ понятіе „опаснаго состоянія“, мы легко будемъ расширять его. Почему не признать анархистовъ находящимися въ состояніи опасности, какъ затѣмъ точно разграничить политическія преступленія отъ общихъ? И почему политическіе преступники порою не могутъ быть подводимы подъ понятіе *dégénéreux supérieurs*, о которыхъ говорилъ Garçon. Нельзя забывать также, что обще-

ство само создаетъ порою *état dangeieux*, развращая окончательно въ тюрьмахъ помѣщенныхъ туда первичныхъ преступниковъ. Оппонентъ не можетъ наконецъ согласиться съ тезисомъ Листа о мѣрахъ по отношенію къ опаснымъ сумасшедшимъ и видитъ въ этомъ тенденцію забывать самое сгѣше предъ лицомъ *sciminel*.

Предсѣдатель суда *Энгельс* считаетъ необходимымъ внести нѣсколько поправокъ въ тезисы докладчиковъ. Нужно прежде всего имѣть въ виду только нормальныхъ (конечно, относительно-нормальныхъ) преступниковъ, затѣмъ преступниковъ опасныхъ, которыхъ не слѣдуетъ отождествлять съ рецидивистами; ихъ нужно классифицировать по этическимъ признакамъ, а не по главамъ уголовного уложенія. Онъ согласенъ съ Набоковымъ въ томъ, что нельзя этого всецѣло предоставить судѣ, но, съ другой стороны, нельзя свести и судью къ роли автоматическаго распредѣлителя наказаній; необходимо избрать середину.

Проф. *Ашаффенбургъ* изъ Германіи спеціально касается послѣдней группы тезисовъ проф. Листа (IV в. и с.). Эти тезисы вносятъ мало новаго. Мы уже имѣемъ интернированіе опасныхъ алкоголиковъ. Публичная опека достаточна по отношенію къ умалишеннымъ. Онъ присоединяется къ тезису *Jasrag* о предоставленіи всего вопроса судѣ, но судѣ гражданскому. Онъ не понимаетъ возраженій противъ интернированія. Почему ихъ нѣтъ противъ интернированія прокаженныхъ? Почему опасные алкоголики, психопаты и дегенераты менѣе нуждаются въ интернированіи? Въ существѣ только продолжительность наказанія, а не режимъ можетъ удержать ихъ отъ новыхъ преступленій. Всякій предпочтетъ болѣе короткое строгое заключеніе болѣе долгому слабому. Даже болѣе опытные несовершеннолѣтніе преступники часто предпочитаютъ тюрьму исправительно-воспитательному заведенію, такъ какъ пребываніе въ ней значительно короче. Бороться съ такими взглядами можно лишь путемъ неопредѣленныхъ приговоровъ. Для примѣненія ихъ нужно выработать особое *Feststellungsverfahren* при участіи врачей, подъ предсѣдательствомъ гражданского судьи, нужно обезпечить періодическій

пересмотръ этого рѣшенія. Ему безразлично, какъ назовутъ эти мѣры; важно лишь, что продолжительность и режимъ ихъ будутъ опредѣляться компетентными органами.

Проф. *Шиловичъ* изъ Кرواتіи опредѣляетъ свои взгляды въ этомъ вопросѣ, какъ болѣе правые по отношенію къ Листу и болѣе лѣвые по отношенію къ Гарсону. Онъ одобряетъ постановленія австрійскаго проекта и цитируетъ отдѣльные случаи изъ практики, въ которыхъ можетъ быть признана наличность опаснаго состоянія.

Русскій представитель *Е. М. Кулишеръ* останавливается подробно на той мысли, что общаго понятія „опаснаго состоянія“ установить нельзя. Такое понятіе, если бы оно было создано, повредило бы даже разработкѣ отдѣльныхъ спеціальныхъ вопросовъ объ опасныхъ алкоголикахъ, объ уменьшенно-вмѣняемыхъ, о рецидивистахъ и т. д. Общественные круги охотно идутъ на допущеніе мѣръ безопасности по отношенію къ отдѣльнымъ категоріямъ. Такъ, недавно та же Русская группа, которая была настроена противъ опаснаго состоянія вообще, приняла, по докладу оппонента, резолюцію, требующую учрежденія особыхъ заведеній для привычныхъ алкоголиковъ—преступниковъ. Общее понятіе „опаснаго состоянія“ можетъ оказаться опаснымъ и въ политическомъ отношеніи для странъ, еще не упрочившихъ своихъ конституціонныхъ учрежденій, гдѣ необходимость дѣянія, какъ предпосылки наказуемости, и строгаго судебнаго производства составляетъ существенную гарантію.

Выступавшій затѣмъ авторъ настоящаго отчета остановился болѣе на процессуальной сторонѣ вопроса, такъ какъ онъ считаетъ, что вопросъ о гарантіяхъ личной свободы есть вопросъ процесса, а не матеріальнаго права. Въ спорахъ объ опасномъ состояніи необходимо различать двѣ формы этого послѣдняго: 1) *привилегированную* форму (несовершеннолѣтніе, уменьшенно-вмѣняемые, алкоголики), гдѣ мѣры безопасности замѣняютъ наказаніе,—это соответствуетъ *measures d'assistance* Гарсона или *mesures d'adaption* Листа, и 2) *квалифицированную* (опасные рецидивисты, бродяги), гдѣ мѣра безопасности скорѣе квалифицируетъ наказаніе, чѣмъ осужур. Мин. Юст. Ноябрь 1910.

лабляетъ его. Прогрессъ въ области привилегированной формы почти не встрѣчаетъ оппозиціи, и здѣсь рѣчи о нарушении личной свободы почти не возникаетъ; эти мѣры имѣютъ покровительственный характеръ, и развитіе ихъ составляетъ прогрессъ въ области социальнихъ связей человѣчества. Значительно болѣе спора вызываютъ мѣры по отношенію къ квалифицированнымъ формамъ опасности. Практика принимаетъ уже ихъ постепенно. Таковъ англійскій *prevention of crime act* 1908 г., новыя проекты Швейцаріи, Австріи, Германіи. Въ пользу отъ примѣненія особыхъ мѣръ къ такимъ рецидивистамъ не сомнѣваются. Главныя сомнѣнія лежатъ въ области гарантій личной свободы. По мнѣнію автора, эти сомнѣнія могли бы быть значительно ослаблены принятіемъ ряда новыхъ процессуальныхъ гарантій и мѣръ. Эти мѣры сводятся: 1) къ расширенію рамокъ судебного производства въ виду того, что не только дѣяніе, но и личность подсудимаго становятся объектомъ изслѣдованія, и 2) къ большей защитѣ правъ подсудимаго въ виду большихъ ограниченій, которыя угрожаютъ ему въ судебномъ приговорѣ. Въ числѣ мѣръ перваго рода слѣдуетъ намѣтить: 1) болѣе широкія рамки предварительнаго слѣдствія, 2) обязательную психологическую экспертизу, производимую состоящими при судѣ экспертами, 3) приглашеніе на судебное слѣдствіе родственниковъ, близкихъ, друзей и пр. подсудимаго, которые могутъ показать не только объ учиненномъ дѣяніи, но и о личности его; 4) требованіе отъ предсѣдателя по такимъ дѣламъ особой психологической подготовки и возложеніе на него обязанности сообщенія присяжнымъ въ резюмѣ всѣхъ юридическихъ и психологическихъ предпосылокъ опаснаго состоянія. Въ интересахъ личной свободы слѣдовало бы рекомендовать: 1) постановку въ обвинительномъ актѣ особаго пункта объ опасномъ состояніи; 2) обязательное назначеніе защитника по такимъ дѣламъ; 3) въ случаѣ возникновенія вопроса объ опасномъ состояніи на судебномъ слѣдствіи, право стороны требовать отсрочки засѣданія; 4) необходимость постановки о томъ особаго вопроса присяжнымъ и 5) право коронныхъ судей единогласнымъ рѣшеніемъ отвергать признанное при-

сяжными опасное состояніе въ случаяхъ, когда они признають, что признаніе его не соотвѣтствуетъ фактамъ (аналогично ст. 818 уст. угол. суд.). При этихъ условіяхъ возраженія противъ примѣненія особыхъ мѣръ при квалифицированной опасности уменьшаются.

Говорившій послѣднимъ судья Abendanon изъ Голландіи указываетъ на необходимость борьбы съ опасными преступниками путемъ воспитанія и не раздѣляетъ взглядовъ на необходимость усиленія репрессій по отношенію къ нимъ.

Въ виду недостатка времени, многіе ораторы отказываются отъ слова, и только по особой просьбѣ присутствующихъ проф. Принсъ произноситъ небольшую рѣчь въ отвѣтъ Набокову и другимъ членамъ, протестовавшимъ противъ новыхъ мѣръ во имя огражденія личной свободы. Бельгія уже не считается съ политическими опасностями подобнаго рода. Понятіе дефективнаго индивида очень трудно распространить на область политическихъ преступленій. Во всякомъ случаѣ и онъ признаетъ, что этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ зависимости отъ политической среды каждой страны.

Послѣ окончанія дебатовъ председатель проф. Vallogh читаетъ проектъ резолюціи, составленный Гарсономъ, Набоковымъ, ванъ-Гамелемъ, Листомъ, Принсомъ и Жаспаромъ, слѣдующаго содержанія:

„Законъ долженъ установить особыя мѣры общественной безопасности по отношенію къ опаснымъ преступникамъ, признавая ихъ таковыми или въ силу законнаго рецидива, или въ силу ихъ жизненныхъ привычекъ, определяемыхъ личными и наследственными данными, проявившимися въ какомъ либо учиненномъ ими преступленіи или тяжкомъ преступленіи“.

Бюро поручается выработать, принимая во вниманіе превія и существующіе законы и проекты, детальную редакцію, которая будетъ подвергнута обсужденію на ближайшемъ засѣданіи.

Балло предлагаетъ прибавить къ этому тексту пожеланіе, чтобы на программу ближайшаго конгресса былъ поставленъ вопросъ *„о реформѣ юридическаго образованія и о профессиональной подготовкѣ судей, которые будутъ рѣшать во-*

прось относительно опаснаго состоянія“. Предложеніе принято.

Въ состоявшемся 3 августа засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ проф. Thore изъ Копенгагена, проф. Claparède и прокуроръ Werner изъ Женевы познакомили слушателей съ современнымъ состояніемъ вопроса о психологійи свидѣтельскихъ показаній и съ процессуальнымъ значеніемъ этого вопроса.

Проф. Клапаредъ началъ съ изложенія опытовъ Бинэ и Штерна, которые положили основаніе экспериментальному методу въ этой области. Задача изслѣдователя при экспериментахъ заключается въ томъ, чтобы найти число, выражающее отношеніе между *reponse juste* и *reponse totale*. Въ изученіи этого нужно различать двѣ проблемы: изслѣдованіе *insuffisance* — недостаточности показаній, которая зависитъ только отъ свойствъ памяти, порою видоизмѣняющей событія, и изслѣдованіе *infidélité* — невѣрности, которая опредѣляется цѣлою совокупностью причинъ. При ближайшемъ изслѣдованіи можно встрѣтить различные типы свидѣтелей; одинъ изъ 100 признаковъ запомнить большинство, но дастъ 30% ошибокъ, другой запомнитъ лишь 10%, за то точно. Поэтому общей цифры невѣрности вывести нельзя, и юристы давно знаютъ это, различая свидѣтелей, а не свидѣтельскія показанія.

Затѣмъ докладчикъ останавливается на различныхъ факторахъ, опредѣляющихъ точность свидѣтельскаго показанія.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ указать на *форму* показанія. Увѣренный или сбивчивый тонъ свидѣтеля даетъ очень много для оцѣнки его точности. Точность зависитъ и отъ того, какъ даются показанія—въ видѣ ли свободнаго разсказа, отвѣта на вопросы или въ видѣ признанія. Роль очныхъ ставокъ для выясненія истины велика. Большое количество ошибокъ получается при допросѣ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, какъ нѣкоторые предлагаютъ, необходимость упразднить допросъ. Самое большее, что можно здѣсь сдѣлать, это ограничить наводящіе вопросы (*suggestions*). Интересно вліяніе *причины* на показанія. Если обычный процентъ правдивыхъ по-

казаній равенъ 80%, то при принесеніи присяги онъ увеличивается до 90%. Правдивость показаній зависитъ и отъ *возраста*. Нѣкоторые (напр., Н. Gross) защищаютъ необходимость допроса дѣтей и въ этомъ отношеніи указываютъ, что отказываться отъ показаній ихъ такъ же нецѣлесообразно, какъ отказываться отъ показаній, напр., слѣпыхъ и т. д., которыя также въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неудовлетворительны. Но по отношенію къ показаніямъ дѣтей необходима большая осторожность. По отношенію къ вліянію *пола* на свидѣтельскія показанія докладчикъ констатируетъ рѣзкія разногласія среди ученыхъ. Правильное рѣшеніе заключается въ томъ, что показанія женщинъ даютъ значительно лучше результаты относительно деталей (цвѣта, формы и вѣшности), но общая картина дополняется цѣлымъ рядомъ нарисованныхъ воображеніемъ дополненій. *Спеціалисты* обыкновенно даютъ очень точныя показанія относительно частностей, касающихся ихъ профессіи. Клапаредъ приводитъ нѣсколько примѣровъ того, какъ извѣстная предвзятая точка зрѣнія спеціалиста заставляеть его видѣть определенное изображеніе тамъ, гдѣ имѣются только общіе контуры, могущіе принять самый разнообразный видъ.

Рѣшеніе проблемы о свидѣтельскихъ показаніяхъ докладчикъ ставилъ въ зависимость отъ изученія *memorabilité* и *testabilité*. Онъ приводитъ слѣдующій произведенный имъ опытъ. Онъ спросилъ 10 своихъ слушателей, сколько колоннъ въ университетскомъ вестибюлѣ, и получилъ слѣдующіе отвѣты:

1—0	6—3
2—4	7—13
3—1	8—4
4—8	9—11
5—3	10—1

Вѣрнымъ оказался только одинъ отвѣтъ—11. Онъ показаль, какъ *testabilité* зависитъ отъ относительности нашихъ понятій о времени и пространствѣ.

Какое примѣненіе изъ психологіи свидѣтельскихъ показаній можетъ сдѣлать современный юристъ? До сихъ поръ

наибольшую роль здѣсь играетъ не science, а experience. Не слѣдуетъ изъ слѣдователя создавать специалиста по психологii свидѣтельскихъ показанiй, но нужно, чтобы юристы знакомились въ университетахъ съ нею. Юристы всегда окажутся болѣе проникательными, чѣмъ не юристы. Этимъ онъ объясняетъ малый успѣхъ такъ наз. психологической діагностики, которая, будучи производима исключительно психологическимъ методомъ, часто даетъ мало удовлетворительные результаты.

Содокладчикъ Клапарэда женевскiй прокуроръ *Werner* долженъ былъ остановиться специально на вопросѣ о значенiи психологii свидѣтельскихъ показанiй для судебного процесса, но вмѣсто того онъ представилъ нѣсколько очень общихъ и шаблонныхъ положенiй. Указавъ на то, что уже Бентамъ останавливался на этомъ вопросѣ, онъ отмѣтилъ прогрессъ современной психологii, которая позволяетъ уже читать въ сердцахъ. Въ противоположность Клапарэду, онъ считаетъ присутствiе психолога въ камерѣ слѣдственнаго судьи полезнымъ; но психологическое изслѣдованiе обвиняемаго не можетъ переходить законныхъ границъ и становится замаскированной пыткой. Оно можетъ происходить лишь въ формѣ обычнаго допроса. Психологiя создала новыя средства разслѣдованiя, но нужно ими пользоваться осторожно, чтобы не ввести произвола.

Проф. Принсъ отъ лица присутствующихъ благодаритъ женевскихъ докладчиковъ. Засѣданiе закрывается въ 4^{1/2} час.

Засѣданiе 4 августа было посвящено вопросу о *международной регламентацii выдачи*. Засѣданiе открывается, подъ предсѣдательствомъ президента Датской группы, проф. *Thorge*, съ доклада проф. *Liermann* изъ Кiля. Прочитанный въ популярной формѣ и иллюстрированный рядомъ удачныхъ примѣровъ, блиставшiй краснорѣчiемъ, докладъ живо заинтересовалъ слушателей, хотя былъ произнесенъ на нѣмецкомъ языкѣ, трудно доступномъ для нѣкоторыхъ членовъ, и затянулся нѣсколько долго.

Въ началѣ докладчикъ изложилъ краткую исторію этого вопроса въ средѣ Международнаго союза криминалистовъ. Вопросъ этотъ былъ затронутъ на международномъ съѣздѣ въ Гамбургѣ 1905 г. въ связи съ вопросомъ о борьбѣ съ международной преступностью и въ 1906 г. на съѣздѣ Германской группы въ Штутгартѣ, когда обсуждался вопросъ объ изданіи національнаго закона о выдачѣ. При детальной разработкѣ его приходится рѣшить множество юридическихъ проблемъ, которыя на первый взглядъ кажутся порою легкими, но на самомъ дѣлѣ представляютъ значительныя трудности. Предположимъ, кто либо совершитъ преступленіе въ Германіи и скроется въ Бельгію. Для этого послѣдняго государства (Asylstaat) представляются слѣдующія возможности:

- 1) оно можетъ игнорировать учиненное преступленіе;
- 2) оно можетъ наказать виновнаго по бельгійскимъ законамъ, если они дѣйствуютъ въ данномъ случаѣ;
- 3) оно можетъ удалить виновнаго съ территоріи Бельгіи.

Первый взглядъ, выражающій равнодушное отношеніе, развится подъ вліяніемъ идеи покровительства (Asylschutz). Она имѣла сначала церковный характеръ, а затѣмъ приобрѣла характеръ политическій. Но теперь эта идея въ своемъ послѣдовательномъ примѣненіи противорѣчитъ современнымъ понятіямъ объ обязанностяхъ государствъ другъ къ другу. Конечно, время Weltstrafrecht еще не пришло, но все-же основныя нормы уголовного права общи для ряда государствъ, а потому такое равнодушіе недопустимо.

Тогда для государства представляется вторая возможность—самому начать преслѣдованіе и наказать виновнаго по своимъ законамъ. Но это представляетъ существенныя неудобства. Суды этого государства должны будутъ рѣшать по иностраннымъ протоколамъ, которые могутъ быть отобраны безъ соблюденія надлежащихъ гарантій, съ примѣненіемъ принужденія, въ которыхъ возможны ошибки при переводѣ, и т. д. Кроме того, приходится судить человѣка, учинившаго дѣяніе въ совершенно иной обстановкѣ, за дѣяніе, которое имѣло иную тяжесть и иной характеръ въ мѣстѣ его учиненія, и т. д.

Вмѣсто того иногда практикуется *высылка*. Она практикуется, какъ полицейская мѣра, а не какъ наказаніе. Но она имѣетъ мало государственной мудрости. Эти приемы напоминаютъ поведеніе вюртембергскихъ бюргеровъ въ началѣ XIX вѣка, которые, чтобы избавиться отъ бѣшеныхъ собакъ, выгоняли ихъ въ Баварію. Примѣненіе высылки во всѣхъ случаяхъ неправильно.

Если изгоняемый дѣйствительно заслуживаетъ наказанія, то высылка является незаслуженнымъ смягченіемъ его; если же имѣется только неосновательное подозрѣніе, то высылка есть актъ жестокости, который порываетъ установившіяся у даннаго лица соціальныя связи, лишаетъ его порою средствъ существованія и т. д.

Наиболѣе правильнымъ является осуществленіе здѣсь *выдачи* или судебной помощи (*Rechtshilfe*). Въ настоящей моментъ выдача есть не правовой институтъ, а дѣло дипломатіи (*nicht Angelegenheit des Rechts, sondern Staatsdiplomatie*). Только нѣкоторые государства (Голландія, Швейцарія, Англія, нѣкоторые штаты Америки), слѣдуя примѣру Бельгій, издали у себя законы о выдачѣ, но и тамъ имѣются серьезные пережитки взгляда на выдачу, какъ на дѣло дипломатіи, ибо выдача допускается и помимо договора и закона. Каждая просьба о выдачѣ разсматривается какъ вторженіе въ суверенную власть другого государства, и это послѣднее государство рѣшаетъ, допустима ли выдача и наказуемо ли дѣяніе по мѣстнымъ законамъ. До сихъ поръ еще европейская культура держится на идеяхъ французской революціи, которая сломала всемогущество государственной власти, поставивъ ей границу въ видѣ гражданскихъ правъ. Въ регламентаціи выдачи господствуетъ еще недовѣріе къ этой государственной власти, при чемъ каждое государство считаетъ дѣломъ своей нравственной обязанности (*Ehrenpflicht*) обставить выдачу наибольшими гарантіями, въ особенности по отношенію къ политическимъ преступникамъ.

Эти гарантіи созданы для защиты невинныхъ, но, съ другой стороны, онѣ крайне затрудняютъ преслѣдованіе.

Правила о выдачѣ нынѣ изложены въ сотняхъ догово-

ровъ, изъ которыхъ, впрочемъ, можно извлечь рядъ общихъ положеній. Министерство или судъ, которые будутъ примѣнять ихъ, должны собственно знать уложенія всего міра, и даже не только законы, но и исторію составленія ихъ, практику и пр. Можно намѣтить три системы рѣшенія вопроса о выдачѣ: французскую, англійскую и бельгійскую (въ первой рѣшаетъ администрація, во второй—судъ, въ третьей—въ первую голову рѣшаетъ судъ, но за администраціей сохранено право окончательнаго рѣшенія). Въ каждомъ случаѣ для правосудія создано столько препятствій, что можно подумать, что эти правила установлены скорѣе самими преступниками, нежели противъ нихъ. Напр., въ Англии требуется для требованія о выдачи соблюденіе всѣхъ правилъ law of evidence; здѣсь недопустима такъ называемая extradition volontaire, которая во Франціи, наоборотъ, признается.

Если обратиться къ содержанію договоровъ, то придется прежде всего замѣтить, что оно почти никогда не является исчерпывающимъ. Всегда подъ условіемъ взаимности, можно ходатайствовать о выдачѣ и помимо договора. Нѣкоторыя стороны крайне трудно и неудачно регулированы. Таковъ, напр., вопросъ о покушеніи. Одни договоры не обращаютъ совсѣмъ вниманія на этотъ вопросъ, другіе приравниваютъ во всѣхъ случаяхъ покушеніе къ совершенію, третьи признаютъ его только въ нѣкоторыхъ случаяхъ и т. д. Среди преступленій, за которыя выдача допускается, мы встрѣчаемъ порою поразительныя пробѣлы. Таково, напр., почти повсемѣстное умолчаніе о преступленіяхъ противъ свободы. Значительныя затрудненія возникаютъ при опредѣленіи составовъ каждаго преступленія. Напр., понятіе мошенничества въ германскомъ правѣ значительно шире тапоеuvres frauduleuses французскаго права; или нѣкоторыя законодательства допускаютъ выдачу только при квалифицированной кражѣ; но, напр., въ Италіи рецидивъ кражи не квалифицируетъ ея, и потому, съ своей точки зрѣнія, она могла бы отказать въ выдачѣ вора-рецидивиста, тогда какъ другія страны ей въ этомъ отказать не могли бы.

Уже приведенныхъ примѣровъ, по мнѣнію проф. Lierr-

манн, достаточно, чтобы признать современное состояніе вопроса о выдачѣ скорѣе карриатурой *Rechtshilfe*, чѣмъ настоящей регламентаціей. Недостаточно и регламентація путемъ національныхъ законовъ. Они показываютъ, на что готово данное государство, но, кромѣ того, необходимо и взаимное соглашеніе, которое могло бы быть достигнуто путемъ конвенціи. Но для этой послѣдней нужно выработать рядъ общихъ принциповъ, на которыхъ и останавливается докладчикъ.

I. Здѣсь прежде всего должно быть указано, за какіе деликты *выдача не допускается*. Въ этомъ перечнѣ могли бы найти себѣ мѣсто слѣдующія группы: 1) фискальные деликты, 2) политическіе деликты, 3) должностныя преступленія, 4) религиозныя преступленія, 5) деликты, учиненные по крайности (*Notdelikte*), и нѣкоторые другіе.

II. Нужно отказаться отъ оговорки обоюдной наказуемости дѣянія. Достаточно наказуемости дѣянія по законамъ государства, требующаго выдачи, ибо оно защищаетъ свои интересы и невыдача есть несправедливость по отношенію къ этому государству, противорѣчащая международному праву. Это положеніе въ литературѣ защищалось *Liszt* и *Bernard*, къ нему приходятъ и нѣкоторыя законодательства. Такъ, напр., швейцарскій проектъ отказывается отъ принципа обоюдной наказуемости; правда, это произошло въ значительной степени потому, что швейцарское право не знаетъ проступковъ, учиненныхъ на морѣ, между тѣмъ какъ случаи необходимости выдачи вслѣдствіе учиненія ихъ могутъ быть очень острыми. При удержаніи этого принципа въ Германіи значительная часть вымогательствъ осталась бы безнаказанной, если виновники ихъ скрылись за границу, такъ какъ понятіе вымогательства (*Ergpressung*) здѣсь значительно шире, чѣмъ въ другихъ странахъ.

III. Необходимо значительно сократить дѣйствіе принципа о невыдачѣ государствомъ собственныхъ подданныхъ. Такая невыдача основывается порою на конституціонной нормѣ, по которой „никто не долженъ быть лишень своего естественнаго суды“. Въ пользу ея приводятся тѣ доводы,

что, выдавая своихъ подданныхъ иностранному государству, государство подвергаетъ ихъ непріятности быть судимыми на непопятномъ имъ языкѣ, предъ судьями, питающими порою по отношенію къ нимъ непріязнь, и т. д. Но проведеніе этого принципа вызываетъ прежде всего рядъ юридическихъ осложненій. Какъ быть, если подданный убѣжалъ въ третье государство? если преступникъ сталъ подданнымъ государства, гдѣ онъ укрылся послѣ учиненія преступленія? Но кромѣ того этотъ принципъ и несправедливъ. Если преступникъ арестованъ на мѣстѣ преступленія въ чужомъ государствѣ, онъ будетъ тамъ судимъ, несмотря на всѣ указываемыя выше неудобства, но, если съ помощью денегъ, хитростей, сообщниковъ онъ скроется въ свое государство, то послѣднее защищаетъ и не выдаетъ его. Какое же преимущество имѣетъ этотъ послѣдній предъ преступникомъ, пойманнымъ на мѣстѣ преступленія?

IV. Принципъ невыдачи политическихъ преступниковъ долженъ быть удержанъ. Еще не наступило время, чтобы считать политическія условія установившимися. Политическую преступность все еще можно считать „*Uebel im Dienste der Kultur*“. Въ изытіяхъ изъ этого принципа невыдачи нужно быть осторожнымъ. Бельгійская *Königsmordklausel* должна сохраниться. Она и теперь принята всѣми государствами, кромѣ Англии, Италіи, Швейцаріи и Голландіи. Но и эти послѣднія выставляютъ противъ нея исключительно юридическія возраженія, указывая на то, что это преступленіе носитъ по преимуществу общественный характеръ и потому не требуетъ оговорки. Отсутствіе ея не помѣшало за послѣднее время Швейцаріи выдавать русскихъ революціонеровъ, виновныхъ въ экспроприаціяхъ, именно въ силу признанія преобладающаго значенія общеуголовной стороны дѣянія. Въ области политическихъ преступленій вообще можно скорѣе говорить о трудностяхъ формулировки, нежели о существенныхъ разногласіяхъ въ принципахъ.

V. Нужно создать извѣстныя общія начала для регулированія самаго производства при выдачѣ. И здѣсь только су-

дебные органы должны быть признаны компетентными рѣшать, кто подлежит выдачѣ.

Пора оставить фантастическіе страхи стараго времени и путемъ международнаго договора установить единообразныя начала въ этой области.

Послѣ перваго докладчика слово было предоставлено содокладчику *проф. Гарро*. Мы приводимъ его печатный небольшой докладъ, къ которому *проф. Гарро* на съѣздѣ сдѣлалъ лишь очень небольшія дополненія. Онъ указалъ, что существующему *egoisme en deux* нужно противопоставить *regime de l'union*. Чтобы рѣшить вопросъ, нужно сначала показать, является ли определенное рѣшеніе желательнымъ и затѣмъ возможнымъ. Желательность стоитъ виѣ сомнѣній: стоитъ только посмотрѣть на интернаціонализацию преступности, растущую съ каждымъ годомъ: народы теперь обмѣниваются своими преступниками такъ же широко, какъ и своими товарами. Что касается возможности, то, для достиженія согласія, нужно побѣдить три препятствія: 1) согласовать права различныхъ обществъ съ правами индивида, 2) добиться нѣкоторыхъ взаимныхъ уступокъ относительно суверенности государствъ и 3) добиться объединенія всѣхъ странъ, ибо безъ этого не будетъ достигнута безопасность.

Въ дальнѣйшемъ *проф. Гарро* отстаиваетъ слѣдующія положенія, болѣе подробно развитыя въ его докладѣ:

1) процедура выдачи должна быть регулирована только національнымъ закономъ каждаго государства;

2) нужно сохранить за государствомъ, отъ котораго требуютъ выдачи, — *une porte de sortie* — право отказать въ выдачѣ индивида, котораго оно желаетъ само судить;

3) нужно рѣшить вопросъ о вліяніи національности на выдачу;

4) нужно опредѣлить понятіе политическаго преступленія, при чемъ указать, что посягательства на жизнь правительственныхъ агентовъ не могутъ быть признаваемы политическими преступленіями (здѣсь, въ виду замѣчаній нѣкоторыхъ членовъ, *Гарро* аргументируетъ примѣромъ *Liabeuf*, который не могъ бы подлежать выдачѣ, если бы скрылся въ

другую страну, какъ учинившій преступленіе по политическимъ мотивамъ);

5) нужно сохранить принципъ суда только за тѣ преступления, по которымъ составлялась выдача;

6) нужно перечислить тѣ документы, представленіе которыхъ обязательно при просьбѣ о выдачѣ.

Такъ какъ на конгрессѣ, за недостаткомъ времени, проф. Гарро долженъ былъ ограничиться лишь небольшими комментаріями нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ здѣсь положеній, то для лучшаго ихъ пониманія приходится обратиться къ его печатному докладу.

Докладъ проф. Гарро.

„Уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ“ — пишетъ проф. Гарро — умножаются связи между различными государствами Европы. Онѣ формулируются, сгущаются въ основныя соглашенія, нѣчто въ родѣ „союзовъ“, хартій, устанавливающихъ общія и постоянныя соглашенія. Въ этихъ случаяхъ устанавливается уже *международная регламентація* вмѣсто прежнихъ многочисленныхъ и часто противорѣчивыхъ *національных регламентацій*.

Но это движеніе, которое свидѣтельствуетъ о солидарности народовъ и подготавливаетъ, можетъ быть, желѣзную федерацію государствъ „Европейскіе Соединенные Штаты“, до сихъ поръ осталось чуждымъ области уголовного права.

А между тѣмъ, если полезно въ области частнаго международного права избѣгать конфликтовъ, которые могутъ колебать отношенія индивидовъ и распространиться въ область международного публичнаго права, регулируя ихъ международными соглашеніями или международнымъ третейскимъ разбирательствомъ, заранѣе принятымъ, то не менѣе желательно изыскать, тѣми же путями, средства, необходимыя для вооруженія международного общества въ его борьбѣ противъ враговъ всякаго соціального строя.

Теперь преступность не знаетъ ни разстояній, ни границъ; она стремится интернаціонализироваться въ своихъ

средствахъ и своихъ послѣдствіяхъ. И поэтому нужно, въ соотвѣтствіи съ этой международной организаціей преступленія, создать международную организацію репрессіи.

Соціальная защита въ международныхъ отношеніяхъ обнаруживается главнымъ образомъ въ двухъ институтахъ, которые находятся между собою въ такомъ же соотвѣтствіи, какъ два отверстія, изъ которыхъ одно открывается, когда закрывается другое,—института *преслѣдованія* на территоріи дѣяній, учиненныхъ за границей, и *выдачи* преступниковъ, скрывшихся на территоріи послѣ того какъ они совершили преступленіе за границей. Международная солидарность обязываетъ государство, куда скрылся преступникъ, или выдать его, или наказать: *aut dedere, aut punire*. Такъ какъ преступность является общимъ бѣдствіемъ, то выдача или репрессія являются взаимной *обязанностью*, а не *взаимной возможностью*. Относительно такого характера этого согласны все криминалисты.

Эти два института, имѣющіе общую цѣль, не функционируютъ однако одинаковымъ образомъ и при одинаковыхъ условіяхъ.

Одинъ изъ нихъ предоставленъ *національному законодательству*. Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, приходится опредѣлять случай, когда правосудіе известной страны можетъ вѣдать дѣянія, учиненныя за границей. Расширеніе территоріальнаго закона прежде всего требуетъ оцѣнки, съ національной точки зрѣнія, интересовъ публичнаго порядка, которые оправдываютъ репрессію на территоріи дѣяній, учиненныхъ внѣ государства.

Другой институтъ входитъ болѣе близко въ область международного права, такъ какъ всякая выдача происходитъ при наличности двухъ государствъ, изъ которыхъ одно проситъ ее, а другое предоставляетъ. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые государства осуществляютъ выдачу посредствомъ *внутренняго законодательства*. Въ Франціи національное учредительное собраніе декретомъ 17 февраля 1791 г. постановило, „чтобы комитетъ конституціи соединился немедленно съ дипломатическимъ комитетомъ, для выработки закона о

взаимной выдачѣ обвиняемыхъ въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ между Франціей и другими націями Европы“. Но эта резолюція осталась безрезультатной, и до 1878 г. ни одно изъ правительствъ не могло претендовать на этотъ вексель, выданный въ 1791 г. на будущее время, и не пыталось регулировать законодательнымъ путемъ институтъ выдачи. Полагали, съ нѣкоторымъ основаніемъ, что выдача всегда является результатомъ соглашенія двухъ государствъ и поэтому входитъ въ область международныхъ соглашеній. Въ 1878 г., правда, былъ внесенъ во французскій парламентъ проектъ закона о выдачѣ (2 мая 1878 г.). Эта попытка повторилась въ 1900 г. (7 декабря), но она не достигла результата, и мы объ этомъ не сожалѣемъ. Чтобы законодательствовать въ этой области, нужно быть, по крайней мѣрѣ, вдвоемъ. Другимъ затрудненіемъ здѣсь является согласованіе процедуры выдачи, которая регулируется внутреннимъ законодательствомъ каждой страны.

Всѣ остальные вопросы не могутъ быть рѣшены иначе, какъ международнымъ соглашеніемъ.

Но до сихъ поръ выдача была предметомъ однихъ лишь спеціальныхъ соглашеній. Обѣ высокія договаривающіяся стороны, скажемъ мы, употребляя выраженіе протоколовъ, соглашаются или заключить общій договоръ о выдачѣ, или вступить въ соглашеніе относительно конкретнаго случая, иногда съ оговоркой о взаимности. Это представляетъ собою *egoïsme en deux*.

Мы думаемъ, что нельзя серьезно оспаривать положеніе о желательности созвать общую конференцію, „*Consilium totius Europae*“, для обсужденія и соглашенія по этому вопросу, и что это представляло бы благородную задачу для дипломатіи.

Международный союзъ уголовного права уже въ теченіе долгаго времени обращалъ вниманіе государствъ на открывающееся передъ ними въ этомъ отношеніи поприще. Въ Гаагѣ было создано орудіе общей кодификаціи; хорошіе работники этого хорошаго дѣла уже доказали, что они могутъ и умѣютъ имъ пользоваться. Международныя конвенціи 1896, 1902 и 1905 г.г. не являются простыми „случайностями“

въ исторіи международнаго частнаго права; онѣ, напротивъ, образуютъ логическую фазу его развитія. Прошлое подготовило этотъ этапъ какъ договорами отдѣльныхъ государствъ и союзами по отдѣльнымъ вопросамъ, для которыхъ соглашеніе болѣе легко, такъ и попытками конференцій и засѣданіями Института международнаго права. Тѣ же причины произведутъ то же дѣйствіе и въ отношеніи вопроса о выдачѣ. Договоры отдѣльныхъ государствъ, которые стремятся все болѣе и болѣе вылиться въ общій типъ, засѣданія международныхъ обществъ, въ которыхъ обсуждается теоретическая сторона, будутъ имѣть несомнѣнно свои послѣдствія, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ.

Мы приближаемся къ установленію позитивнаго международнаго публичнаго права, въ которомъ выдача будетъ одной изъ главъ. Но можно ли уже намѣтить общія черты международной уголовной репрессіи, осуществимыя уже въ настоящее время?

Организація международнаго общества, съ точки зрѣнія спеціально борьбы съ преступностью, представляетъ такія же затрудненія, которыя присущи каждому отдѣльному обществу въ его внутренней борьбѣ.

Здѣсь требуется примирить право защиты государствъ съ правомъ индивидовъ въ ихъ отношеніяхъ къ каждому государству. Не забудемъ, что, если международное общество имѣетъ обязанность объединиться для защиты противъ преступниковъ, концентрировать на этомъ свои силы, то это оно можетъ сдѣлать, давъ гарантію личности въ томъ, что, независимо отъ національности и условій, она не будетъ наказана безъ предварительнаго и справедливаго суда.

Эти гарантіи, поскольку то касается выдачи, могутъ быть установлены только внутреннимъ законодательствомъ каждой страны, которому слѣдуетъ предоставить всю процедуру выдачи. Мы полагаемъ, что только національное право можетъ опредѣлить то, какая власть можетъ требовать выдачи отъ лица правительства, какая власть предоставить выдачу и въ какой формѣ. Такая исключительная компетенція террито-

ріального закона для опредѣленія вопросовъ процедуры опредѣляется двумя основаніями.

Первое вытекаетъ изъ опыта. Не будетъ опрометчивымъ заявить, что въ этой области едва-ли можетъ быть достигнуто соглашеніе для общей регламентаціи. Нужно рѣшить проблему такъ, чтобы не слишкомъ легко выдавать преступниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы не обставлять эту выдачу слишкомъ многими трудностями. Въ настоящее время имѣется нѣсколько системъ: 1) система, предоставляющая разсмотрѣніе просьбъ о выдачѣ администраціи, 2) система, присоединяющая судебную власть къ власти административной, сохраняя рѣшающее значеніе за послѣдней; 3) система, предоставляющая судебной власти не только разсмотрѣніе, но и окончательное рѣшеніе, а за административной властью сохраняющая лишь исполненіе рѣшенія судебной власти. Какъ, при наличности этихъ противорѣчій, можно мечтать объ объединеніи процедуры выдачи?

Кромѣ того, тому противорѣчить самый характеръ подлежащихъ рѣшенію вопросовъ. Конечно, мы желаемъ сближенія народовъ, согласія между ними въ юридической сферѣ, но нужно, чтобы это сближеніе касалось вопросовъ дѣйствительно международнаго характера. Между тѣмъ организація и компетенція власти, которой поручено постановлять о выдачѣ,—это вопросы, вытекающіе изъ внутренняго права. Конечно, не слѣдуетъ пустыми тонкостями препятствовать примѣненію мѣры, которая имѣетъ цѣлью передать преступниковъ въ руки ихъ естественныхъ судей, но контроль со стороны національной власти долженъ быть организованъ согласно ея особымъ взглядамъ, которые ограждаютъ у каждаго народа права государства и свободу индивида.

Среди вопросовъ, по которымъ имѣются шансы достигнуть международнаго соглашенія и рѣшеніе которыхъ должно занять мѣсто въ международномъ кодексѣ, я остановлюсь на пяти. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и главы, подъ которыми располагаются основныя проблемы выдачи.

I. Первый вопросъ касается національности выдаваемыхъ. Въ принципѣ выдача, основанная на необходимости обез-

печить репрессію преступленія, въ какомъ бы мѣстѣ оно ни было учинено, стоитъ внѣ зависимости отъ національности преступника. Но правило, которое не допускаетъ выдачи своихъ собственныхъ подданныхъ, настолько обще, что было бы очень трудно заставить отказаться отъ него союзъ европейскихъ государствъ. Можетъ быть, дадутъ удовлетвореніе обоимъ интересамъ, принявъ переходное рѣшеніе, къ которому, повидимому, приближаются все болѣе и болѣе: государство, къ которому обратились, можетъ отказать въ выдачѣ только тогда, если нормы его внутренняго законодательства позволяютъ ему преслѣдовать преступленіе, учиненное за границей. При этой системѣ вопросъ о національности былъ бы въ извѣстной степени прикрытъ вопросомъ о возможности преслѣдованія, и государство, требующее выдачи, не могло бы жаловаться по поводу отказа въ выдачѣ, если бы этотъ отказъ былъ мотивированъ осуществленіемъ національнаго правосудія. Государство не выдаетъ тѣхъ, кто подлежитъ его суду. Выдача становится необходимой только тогда, когда безнаказанность явилась бы результатомъ отсутствія ея. Если же государство, у котораго требуютъ выдачи, можетъ само наказать, оно не должно выдавать. Поэтому въ международномъ кодексѣ относительно выдачи должна быть формулирована дилемма, которую государство не можетъ обойти, — *aut punire aut dedere*.

II. Вторымъ вопросомъ, подлежащимъ международной регламентаціи, является опредѣленіе тѣхъ *дѣяній, которыя даютъ мѣсто выдачу*. Безъ сомнѣнія, еще существуютъ нѣкоторыя разногласія относительно фактовъ, мотивирующихъ выдачу, вслѣдствіе различія во взглядахъ и въ положеніяхъ. Но здѣсь замѣчается почти полное совпаденіе трактатовъ въ отношеніи номенклатуры преступленій и проступковъ, допускающихъ выдачу. Гарофало давно уже предлагалъ въ своей *Criminologie* (5 ed. 1905 p. 43—52, 121—45, 457) нѣчто въ родѣ международнаго кодекса преступности, содержащаго всѣ наказуемыя въ качествѣ *délits naturels* или, правильнѣе, *délits sociaux* дѣянія. Слишкомъ широкій перечень, который онъ приводитъ въ статьѣ, напечатанной въ *Revue*

internationale de Sociologie (1909 p. 4), долженъ быть ограниченъ лишь двумя главными формами преступной дѣятельности: *насиліемъ* и *обманомъ*. Но я бы не безъ опасенія видѣлъ среди дѣяній, допускающихъ выдачу, тѣ дѣянія, которыя просто оскорбляютъ чувство стыдливости, находящее себѣ столь различное выраженіе въ зависимости отъ нравовъ, идей, религій и пр. Когда будетъ составленъ списокъ соціальныхъ преступленій, одинаково интересующихъ все цивилизованныя націи, тогда выдача станетъ обязанностью для государства, на территоріи котораго укрылся преступникъ. И уже не будетъ требоваться взаимность репрессіи дѣянія со стороны двухъ національныхъ законодательствъ.

III. Третій вопросъ касается понятія *политической преступности*.

Здѣсь нужно отстаивать исключеніе политическихъ деликтовъ изъ международнаго кодекса въ отношеніи выдачи. Здѣсь ясно, что дѣло идетъ о той формѣ преступности, которая ни въ какомъ случаѣ не оправдываетъ подобную мѣру.

Но не должно ли стать предметомъ международнаго обсуждения опредѣленіе самаго понятія политическаго деликта? Это было бы одной изъ наиболее трудныхъ и смѣлыхъ задачъ, которую пришлось бы выполнить дипломатамъ, составляющимъ подобный международный кодексъ. Она не была бы невозможной, если бы они пожелали ограничиться опредѣленіемъ политической преступности по ея объекту, т. е. по посягательству, которое она заключаетъ въ себѣ, на права государства и его внутреннюю и внѣшнюю безопасность. Но ни въ коемъ случаѣ преступленія общія, какъ кража, убійство, поджогъ и т. д., даже если они внушены политической ненавистью или мстью, не могутъ разсматриваться какъ политическія преступленія и подъ этимъ предлогомъ исключать выдачу. Безъ этого не можетъ быть гарантирована международная безопасность.

IV. Четвертый вопросъ, въ области международныхъ правъ и обязанностей относительно выдачи, касается *последствій этой мѣры*. Существующій принципъ ограниченія и

спеціализированія выдачи заслуживаетъ быть удержаннымъ со всѣми выводами и оговорками. Согласіе выданнаго на то, чтобы его судили и наказали за другія преступленія, кромѣ тѣхъ, по которымъ произошла выдача, дѣйствительно лишь тогда, когда оно доведено до свѣдѣнія правительства, предоставившаго выдачу, и это послѣднее не заявило протеста.

V. Послѣдній вопросъ, по которому легко можно будетъ достигнуть соглашенія и съ котораго могла бы даже начаться попытка составленія международнаго кодекса, это—вопросъ о составѣ документовъ (*dossier des piéces*), которые должно представить государство, требующее выдачи, для подкрѣпленія своей просьбы. Когда дѣло касается *осужденнаго*, нѣтъ спора,—нужно документально установить его осужденіе въ государствѣ, требующемъ выдачи; но, когда рѣчь идетъ объ *обвиняемомъ*, то спрашивается, будетъ ли достаточнымъ представленіе приказа объ арестованіи, чтобы подвергнуть его задержанію въ своей странѣ? Во всякомъ случаѣ намъ представляется необходимымъ свести контроль мѣстной власти къ вопросу о *правильности и законности представленныхъ иностраннымъ правительствомъ документовъ*. Если ему позволить касаться существа дѣла, то это значитъ дать чужому правительству право вмѣшиваться въ отправленіе правосудія въ чужой странѣ и облечь его миссіей, мало соответствующей его положенію,—разсматривать виновность обвиняемаго или справедливость приговора, которымъ кто либо осужденъ“.

Послѣ прочтенія докладовъ о международной регламентаціи выдачи не было сдѣлано даже попытки поставить вопросъ на обсужденіе, а предсѣдатель прямо огласилъ проектъ резолюціи, внесенной Листомъ и ванъ-Калькеромъ, слѣдующаго содержанія: „Бюро Союза поручается передать бельгійскому правительству пожеланіе о томъ, чтобы Гаагская конференція занялась разработкой вопроса объ установленіи общихъ правилъ относительно выдачи“.

Предложеніе это было мотивировано Листомъ, который указалъ, что важно достигнуть здѣсь практическихъ результатовъ, и лучшимъ средствомъ для того является обращеніе къ уже существующей международной организаци Гаагской конференціи. Такое обращеніе можетъ быть сдѣлано, однако, только однимъ изъ правительствъ. Съ перваго взгляда голландское правительство было бы для того наиболѣе пригоднымъ, но, въ виду любезнаго гостепримства Бельгіи, слѣдуетъ предпочесть обращеніе къ правительству этой послѣдней. Это предложеніе вызвало, однако, замѣчанія van Hamel'я и Prins'a, указавшихъ, что, конечно, они будутъ рады обратиться къ своимъ правительствамъ съ просьбой о принятіи инициативы, но что едва-ли можно считать Гаагскую конференцію пригодной для первоначальной выработки проекта. Она составлена исключительно для вопросовъ международного частнаго права, и засѣдающіе въ ней юристы едва-ли сумѣютъ справиться съ сложными вопросами права публичнаго, возникающими при регламентаци выдачи. Съ другой стороны, исключительное предпочтеніе одного какого либо правительства не должно имѣть мѣста, оно связываетъ руки и дѣлаетъ Бюро безсильнымъ въ случаѣ отказа. Болѣе желательно обобщить формулу и предоставить свободу дѣйствія Бюро. Подъ вліяніемъ этихъ замѣчаній резолюція была видоизмѣнена и единогласно принята въ слѣдующей редакціи:

„Конгрессъ поручаетъ Бюро предпринять необходимые шаги для того, чтобы какое либо изъ заинтересованныхъ правительствъ приняло инициативу составленія общихъ правилъ относительно выдачи“. Къ этой резолюціи однимъ изъ членовъ была предложена поправка о томъ, чтобы просить о составленіи проекта въ духѣ пожеланій, высказанныхъ докладчиками. Поправка была отвергнута, какъ связывающая свободу дѣйствія правительствъ, но Бюро приняло на себя обязанность составленія мотивированнаго доклада, въ которомъ указывалось бы на необходимость подобной регламентаци и на принципы ея; этотъ докладъ долженъ быть представленъ соотвѣтственному правительству вмѣстѣ съ просьбой о принятіи на себя инициативы.

Докладомъ о выдачѣ закончились дѣловыя засѣданія Брюссельскаго съѣзда. Послѣ обычныхъ благодарностей онъ былъ закрытъ, и остальная часть была посвящена официальнымъ приемамъ и экскурсіямъ. Нельзя не видѣть значительнаго улучшения въ томъ, что эта вторая часть была выдѣлена особо, а не шла параллельно съ конгрессомъ, какъ то было прежде.

Въ числѣ официальныхъ раутовъ слѣдуетъ отмѣтить приемъ у председателя группы конгрессовъ M. Carton de Viard, — гдѣ конгрессисты имѣли случай слушать очаровательную музыку и пѣніе сонетовъ XVIII вѣка, — приемъ, устроенный городомъ въ Hotel de Ville, и трогательно радушный приемъ муниципалитета города Ypres, куда была совершена поѣздка для осмотра école de bienfaisance.

Въ четвергъ 4 августа участники конгресса присутствовали на лекціи проф. ванъ-Гамеля, посвященной обзору движенія новыхъ идей въ уголовномъ правѣ за послѣднее двадцатипятилѣтіе.

Совмѣстно членами были произведены осмотры Institut de Sociologie de Solvay и Ecole de Bienfaisance въ Ypres. Institut de Solvay представляетъ собою учебно-ученое учрежденіе, созданное на завѣщанныя Solvay деньги, въ которомъ объединены науки біологическія, соціальныя и коммерческія. Оно замѣчательно тѣми удобствами, которыя представляетъ для научной работы и изслѣдованій. Въ распоряженіи каждаго работающаго отдѣльная келья, обширныя библіотеки, систематичныя коллекціи статей и т. д. Директоръ института прочелъ посѣтителямъ небольшую лекцію, иллюстрированную кинематографическими снимками, о прогрессѣ техники и прогрессѣ умственнаго развитія.

Другое учрежденіе, посѣщенное конгрессистами, Ecole de Bienfaisance à Ypres, представляетъ собою опытъ государственнаго воспитанія заброшенныхъ и преступныхъ дѣтей. Оно рассчитано на дѣтей отъ 13 до 16 лѣтъ и вмѣщаетъ 350 мальчиковъ. При посѣщеніи школы мальчики демонстрировали военную маршировку, гимнастику, работы въ мастерскихъ и школѣ. Все, конечно, было старательно приготовлено заранѣе, и посѣтителямъ приходилось съ удовольствіемъ

отмѣчать тщательность подготовки. Но мѣстные жители, любезно сопровождавшіе при осмотрѣ конгрессиство́въ, высказывали большое сомнѣніе въ плодотворности дѣятельности школы, считая, что она слишкомъ роскошна для мѣстныхъ условій.

Участникамъ конгресса, кромѣ того, было предоставлено право свободнаго посѣщенія всѣхъ карательныхъ учрежденій Бельгіи. Мы воспользовались этимъ для осмотра новой тюрьмы St. Giles, находящейся въ самомъ Брюсселѣ. Образцовая чистота, удобство распредѣленія заключенныхъ, тщательный надзоръ,—всѣ эти качества, характеризующія большинство тюремъ Запада, были на лицо. Но насъ поразила одна черта, которую мы не наблюдали нигдѣ въ такой степени, какъ здѣсь,—забота объ огражденіи правъ заключенныхъ. Уже при самомъ вступленіи въ тюрьму, въ канцеляріи вы находите рядъ крупныхъ плакатовъ, указывающихъ заключенному его права. Одинъ содержитъ art. 7 конституціи, гласящей, что индивидуальная свобода гарантирована и никто не можетъ быть арестованъ иначе, какъ въ силу закона. На другомъ напечатана ст. 608 code d'instr. criminelle, указывающая порядокъ ареста и необходимость предъявленія постановленія о немъ; на третьемъ—ст. 157 code pénal, угрожающая наказаніемъ за произвольное лишеніе свободы. Въ случаѣ учиненія заключеннымъ дисциплинарныхъ проступковъ, онъ приводится въ pretoire, гдѣ разбирательство производится въ порядкѣ судебного процесса. Хотя въ каждой камерѣ имѣются „глазки“ (espions), но запрещено смотрѣть черезъ нихъ; этого не должны дѣлать даже надзиратели, такъ какъ это нарушаетъ права заключенныхъ, и директоръ намъ подробно разсказалъ о тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ для надзирателей, которыя повлекли жалобы нѣсколькихъ заключенныхъ. Несмотря на обезличеніе заключенныхъ, появляющихся только въ полотняныхъ маскахъ и извѣстныхъ по номерамъ, права личности каждаго остаются гарантированными даже въ предѣлахъ тюрьмы.

Мы дали отчетъ о Брюссельскомъ конгрессѣ, изъ котораго мы не вынесли чувства особаго удовлетворенія благо-

даря недостаткамъ его организаціи. По составившимся предположеніямъ, рѣшено слѣдующій конгрессъ созвать чрезъ три года въ Копенгагенѣ, при чемъ предъ этимъ должно состояться совѣщаніе Бюро съ представителями группъ, въ которомъ долженъ быть пересмотрѣнъ вопросъ относительно способовъ подготовки докладовъ и организаціи международныхъ конгрессовъ. Пожелаемъ, чтобы эти совѣщанія привели къ благимъ результатамъ.

СПбГУ



ЮФ СПбГУ